

Ольга Иконникова

*Твоя
на одну ночь*

Ольга Иконникова

Твоя на одну ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784810

0101

Аннотация

Чтобы избежать брака с герцогом де Трезе, я провела ночь с незнакомцем, который принял меня за дочку лавочника. Наутро он исчез, оставив на кровати наполненный золотом кошель. Я должна была гордо выбросить эти деньги? Как бы не так! Их как раз хватило на то, чтобы восстановить разрушенную войной льняную мануфактуру и поднять с колен мое герцогство.

А через несколько лет мы встретились с тем незнакомцем на балу.

Он – король соседней Камрии Алан Седьмой – счастлив в браке и страдает лишь от того, что его сын не унаследовал от него ни капли магии. И он меня не узнал. Так почему же он готов добиваться меня любой ценой? И как мне самой не поддаться чувствам и не открыть ему мою тайну – что все эти годы рядом со мной был его второй сын?

Содержание

Пролог	4
Джейн. Авантюра	9
Джейн. Первая ночь	18
Джейн. Жених	23
Джейн. Свадьба	32
Джейн. Отъезд	38
Джейн. Замок	47
Алан. Война	52
Алан. Принцесса	56
Алан. Постоялый двор	61
Алан. Клементина	66
Джейн. Мануфактура	71
Джейн. Фифи	76
Джейн. Сомнения	81
Джейн. Хозяйство	85
Джейн. Месье Понсон	90
Джейн. Мелани	94
Джейн. Сын	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Твоя на одну ночь

Автор: Ольга Иконникова

Пролог

Я подошла к зеркалу и долго смотрела на свое отражение. Тонкий шелк, привезенный с востока, делал платье почти воздушным. Уверена – на балу такого не будет ни у кого другого. Эта ткань – непозволительная роскошь для большинства гостей.

– Изумруды, ваша светлость? – поймала мою мысль Берил.

Я кивнула, и она достала из верхнего ящика комода бархатную коробочку. Да, это платье шилось специально под изумрудное ожерелье.

Берил открыла коробочку, охнула и побледнела – вместо старинного гарнитура в нём лежало недавно купленное бриллиантовое кольцо.

– Я не проверила, ваша светлость! – на глазах горничной миг появились слёзы. – Должна была, но не проверила. Оно всегда лежало здесь. И когда месье Понсон достал коробку из сейфа, я просто положила ее в саквояж.

Я усмехнулась:

– Напомни мне, чтобы я уволила его, когда мы вернемся

домой.

Берил охнула еще громче. Теперь эта добрая душа переживала за моего управляющего.

Нет, ну каков нахал! Подменил украшение и глазом не моргнул. Он сразу отговаривал меня брать изумруды в столицу – искренне полагал, что древнее ожерелье должно храниться в нашем замке, а не выгуливаться на многолюдном балу. А когда я не вняла его совету, решил схитрить.

На самом деле увольнять я его, конечно, не стану – и он прекрасно это знает. Он слишком хорош в своем деле. Никто лучше него не знает, когда нужно сеять лён, где надежнее купить краску для ткани, и на какой ярмарке выгоднее продать товар.

Да, новое колье тоже роскошно. И пойди я на любой другой бал, я согласилась бы на такую замену без особых возражений. Но не в этот раз.

Я никогда не любила светских мероприятий. Все эти танцы и досужие разговоры – пустое времяпрепровождение. Но круглое число в возрасте его величества Эльзара Восьмого – слишком серьезный повод, чтобы можно было отклонить приглашение во дворец.

– Давай сюда колье, – сказала я всё еще плачущей горничной.

Придется создавать иллюзию. Я не любила это делать без крайней необходимости, но сейчас необходимость как раз была. На балу все будут в старинных украшениях. Это – не

просто показатель достатка и хорошего вкуса. Это – отражение родовой магии. Месье Понсону этого не понять.

Берил надела колье мне на шею. Я снова подошла к зеркалу, сосредоточилась, вспоминая каждый камушек старинного, оставшегося в замке ожерелья, и провела по украшению рукой.

Горничная захлопала в ладоши. Да, вот так. Никто на балу даже не заметит, что это – совсем не изумруды.

На бал я, конечно, опоздала. Появляться в зале после его величества – вопиющее нарушение этикета, но я знала, что никто не сделает мне замечания. Королевский двор погряз в долгах, и я была основным его кредитором.

– Джейн, ну разве так можно? – прошептал мне на ухо старинный друг и деловой партнер маркиз Намюр. – Я уж было решил, что ты вообще не удостоишь нас своим вниманием.

Мы так давно знали друг друга, что обходились без лишних церемоний.

– Гостя уже представили? – спросила я так же тихо.

Гостями тут были мы все, но Намюр понял, кого я имела в виду. На день рождения его величества в Луизану прибыл король соседней Камрии – впервые со дня заключения мирного договора после Пятилетней войны. Войны, которая закончилась десять лет назад, но от которой Эльзария не могла оправиться до сих пор.

– И как он себя ведет? Как победитель?

Намюр бросил на меня насмешливый взгляд:

– Он имеет на это право. Но не суди его строго. Ты же знаешь – в той войне был виноват не он.

Да, я это знала. Войну начал наш Эльзар Восьмой – понадеялся, что только-только вступивший на престол юный король Камрии не сможет дать ему достойный отпор. Но просчитался, и пять лет спустя изнывающая от сражений Эльзария была вынуждена уступить соседям не только часть своей территории, но и свою принцессу. Брак между королем Камрии и дочерью Эльзара Лилиан позволил избежать уплаты более весомой контрибуции.

– Между прочим, он действительно красив, – ухмыльнулся маркиз. – Так что со стороны принцессы Лилиан брак с ним был не такой уже большой жертвой.

Я едва успевала отвечать на приветствия других гостей. Я редко бывала в столице, и каждый мой визит в Луизану привлекал ко мне внимание. Большое состояние, громкий титул и безупречная репутация – всё это превращало меня в самую завидную невесту Эльзарии. А мои регулярные отказы многочисленным женихам делали брак со мной еще более желанным.

Я обвела зал взглядом, задержав его на стоявшем несколько особняком незнакомом молодом человеке. Должно быть, он был из свиты камрийского короля. Он почувствовал мой взгляд и тоже посмотрел в мою сторону.

Я вздрогнула и едва удержалась на ногах. Как мог оказаться в этом зале единственный человек, встречи с которым я

желала и боялась одинаково горячо? Человек, с которым я встретила лишь однажды, но каждую черточку лица которого помнила так ясно, словно знала его всю жизнь. Человек, с которым десять лет назад я провела одну только ночь, но который оставил след и в моей душе, и в моем теле.

Я торопливо отвернулась. Он не должен меня узнать. Потому что он – единственный, кто может раскрыть ту тайну, которую я намерена сохранить любой ценой.

– Где же его величество Алан Седьмой? – спросила я у Намюра лишь для того, чтобы не молчать.

– Да вон же он! – откликнулся маркиз. – Ты только что на него смотрела!

Джейн. Авантюра

– Одумайтесь, ваше сиятельство! – верещала Джули. – Что будет с вашим отцом после такого позора? А ваша тетушка? Да ее хватит удар!

Отца мне было жаль, и при мысли о нём у меня на глаза навернулись слёзы. Он заботился обо мне с самого детства, и я всегда старалась отвечать ему любовью и почтительностью. Да даже то, что я собралась сделать сейчас, я делала ради него.

А вот тетушке Жозефине хороший удар совсем бы не помешал.

– Герцог никогда вам этого не простит! – продолжала взывать к моему разуму служанка и наперсница. – А вы знаете, какой у него мстительный нрав. Если он прознает, что вы отдались первому встречному, то ославит вас на всю страну.

А вот это вряд ли. Герцог де Трезии не захочет, чтобы кто-то узнал, что его невеста, чтобы избежать брака с ним, напросилась в постель к другому мужчине. Хотя мстить он, конечно, станет.

Но с другой стороны – как только я потеряю девственность, так сразу перестану быть для него интересной, и он, возможно, просто предпочтет забыть обо мне и вернется в столицу, где и пребывал до недавнего времени.

– Джули, – жалобно протянула я, – ты же знаешь, какое

чудовище этот герцог.

Служанка закивала быстро и часто. Кто же этого не знает?

– К счастью, его магия слишком слаба, и это не позволяет ему занимать важные государственные посты. А вот если он усилит ее с моей помощью, – кажется, сказав это, я покраснела. А кто бы не покраснел? – то сможет стать военным министром и снова втянет Эльзарию в войну. Ты этого хочешь?

Джули вздрогнула:

– Нет, что вы, ваше сиятельство! Как можно такое допустить? Мы еще от той войны не оправились.

Два года назад я узнала, что моя магия, которую я чувствовала с самого детства, не сможет выйти наружу без участия в этом процессе мужчины. До сих пор помню, как гувернантка, рассказывая мне это по поручению папеньки, едва не плакала от смущения. А когда она произнесла слова «первая брачная ночь», лицо ее стало цвета перезрелого помидора. Она думала, глупенькая, что я совсем несведущая в этом вопросе. Но к тому времени я уже многое знала – конечно, исключительно в теории, – зря что ли я вместе с крестьянскими детьми так много времени проводила на ферме? Конечно, обидно было, что вместе с девственностью я должна была отдать мужу и весомую часть своей магии, но раз уж так природой было заведено, то ничего не поделаешь. Вот только хотелось, чтобы муж был такого подарка достоин.

А герцог де Трезе был совсем не таким. Властный, жестокий, не терпящий возражений, он ворвался в мою жизнь по

весне и настоял на том, чтобы папенька дал разрешение на объявление о нашей помолвке.

Откуда он узнал о моей сильной магии, я не знаю. Должно быть, кто-то написал ему в столицу. Папенька отказать не сумел – за время недавней войны у нас накопилось столько долгов, что только мое выгодное замужество могло бы поправить ситуацию.

Жених мне не понравился сразу – как только он по-хозяйски вошел в наш дом и потребовал, чтобы я показалась ему в своем лучшем наряде. Он осматривал меня как скаковую лошадь, не церемонясь, и не стеснялся отпускать сальные комплименты. Ему даже в голову не приходило, что я могу ему отказать. Он полагал, что для дочери обедневшего графа брак с герцогом – большее счастье. А потом он уехал, велел готовиться к свадьбе.

Я протестовала как могла – кричала, плакала, умоляла. И убедила-таки отца отказать де Трезе. Но тут некстати вмешалась тетушка – она отправила герцогу письмо-согласие прежде, чем мы успели отправить своё с противоположным ответом. О помолвке было объявлено, и папенька сдался.

И именно тете Жозефине я и мстила сейчас прежде всего. Она мечтала о том, что будет приезжать ко мне в столицу? О пышных приемах в герцогском дворце? О роскошных лошадях и экипажах? Так вот вам – потерявшая честь племянница, от которой откажется столь завидный жених.

– Только кому вы, ваше сиятельство, себя отдать тут хо-

тите? – шепотом спросила Джули.

И я тоже обвела взглядом столовый зал постоянного двора. Царящий тут полумрак не позволял рассмотреть лица сидевших за столами гостей, но зато уши всюду ловили громкие и не всегда приличные разговоры.

Запах дешевого вина, кислой капусты и мужского пота романтизма обстановке тоже не добавляли.

К сожалению, Джули была права. Меня бросало в дрожь при одной мысли, что я окажусь в кровати с одним из этих мужчин. Хотя кого я ожидала встретить в дешевой таверне недалеко от базарной площади? Благородным господам тут взяться было неоткуда.

– Ух, какая красотка! – от соседнего столика к нам перебрался мужчина средних лет – невысокий, грузный, со спутанной рыжей бородой. – Давай, я угощу тебя вином. А потом мы пойдем в мою каморку, и я найду способ тебя развеселить.

Он разглядывал меня безо всякого стеснения. И не только разглядывал. Через минуту он попытался меня обнять, а когда я отшатнулась, захохотал громко и хрипло:

– Девицы с гонором мне нравятся даже больше!

В зале было много народа, но никто не выразил ни малейшего желания одернуть наглеца. Даже сидевшие чуть в стороне две пожилые женщины, что торговали днём в рыбном ряду, торопливо отвели взгляды.

Я уже жалела, что ввязалась в эту авантюру. Хотя изна-

чальный план был прост как медная монета. Я специально напросилась с Джули на ярмарку (убедила отца, что сумею выгоднее продать тонкую шерстяную пряжу, которой славились наше поместье), чтобы найти здесь того, кому я смогу подарить и свою невинность, и свою магию. Обзавестись возлюбленным на одну ночь дома и сохранить это в тайне не представлялось возможным – там меня знала каждая собака.

Я нарисовала в своих мыслях молодого и симпатичного кавалера с хорошими манерами, который влюбится в меня с первого взгляда. Я уступлю его галантным ухаживаниям и соглашусь провести с ним ночь. А потом, когда всё случится, и он заснет, я сбегу от него, и мы с Джули тут же уедем из города. Он обнаружит мое исчезновение на рассвете и долго будет жалеть, что упустил свою самую большую любовь. И так никогда и не узнает, что ему отдала свою честь не лавочница или крестьянка, а дочь настоящего графа. Думать об этом было приятно.

Но реальность оказалась совсем другой. За целый базарный день к нам не подошел ни один покупатель, который бы хоть в какой-то степени соответствовал моим ожиданиям.

– Чего ты от меня воротишь нос? – мужчина был пьян и быстро распалился. – Чересчур разборчива?

Изо рта, который он приблизил к моему лицу, так пахло солёной рыбой и луком, что я почувствовала тошноту. Ох, Джули была права – лучше бы я осталась дома. Да, герцог де Трезе – не подарок, но за право обладания мной он хотя бы

предложил свои деньги и титул.

– Оставьте меня, сударь!

Когда мужчина грубо схватил меня за руку, Джули закричала:

– Помогите!

Но ее крик утонул в стоявшем в зале шуме.

А рыжий сально ухмыльнулся:

– Что, и тебе ласки захотелось? Так пойдем с нами – меня и на двоих хватит. А кричать не советую. Иначе не один я захочу с вами, цыпочки, ночь провести. От желающих отбоя не будет.

Наш столик стоял близко к коридору, что вел в предназначенные для ночлега комнатушки. Если этот пьяный мужлан потащит меня туда, никто и пальцем не шевельнет, чтобы за меня заступиться. И Джули тоже ничего не сможет сделать. Только еще к себе внимание привлечет. Я слышала однажды от нашей кухарки рассказ о том, какие бесчинства учинили над ее племянницей пьяные торговцы как раз в ярмарочные дни. Но то было во время войны, когда власть короля и герцога сильно ослабла. Кто мог подумать, что такое происходит и в мирное время?

– Разве ты не слышал, что девушка попросила тебя оставить ее?

Рыжий так резко вылетел из-за стола, что я не сразу поняла, что произошло. И только когда увидела, что его держит за ворот холщовой рубахи другой мужчина – высокий,

статный, со спадающими на плечи темными волосами – торпливо сказала:

– Благодарю вас, сударь!

Его лицо было наполовину скрыто широкими полями шляпы с пером, но губы были видны, и сейчас на этих губах появилась улыбка.

Рыжий еще пытался взбрыкнуть и даже взмахнул схваченным со стола ножом, но холодное спокойствие нашего защитника в итоге подействовало на него отрезвляюще, и он удалился, на ходу бросая угрозы.

– Позвольте, я провожу вас до комнаты, – темноволосый отступил на шаг, давая нам с Джули выбраться из-за стола. – Не беспокойтесь, вас никто не потревожит до утра. Я особо поговорю об этом с хозяином постоянного двора.

Простая, хоть и добротная, одежда отнюдь не выдавала в нём человека благородного происхождения, но об этом говорили его стать, военная выправка и правильная речь.

Он довёл нас до дверей комнаты и поклонился. Мы ответили легкими книксенами.

– Скажите ваше имя, сударь, – взволнованно попросила я, – чтобы мы знали, кого благодарить за помощь.

Он замешкался только на секунду, но когда ответил: «Алан Дюбайе», я сразу поняла, что он сказал неправду. Но так было даже проще.

Я заметила кровь на рукаве его рубахи и испугалась:

– Вы ранены?

Он усмехнулся:

– Пустяки! Всего лишь царапина.

– Давайте я перевяжу вашу руку, – предложила я. – Это самое малое, чем я могу вас отблагодарить.

Наверно, его позабавила столь безыскусная попытка продолжить знакомство, потому что он снова улыбнулся. Но мне было всё равно. Я решила, что мне послала его сама судьба – как раз тогда, когда я в этом так нуждалась.

– Ну, что же, извольте, – сказал он, – в моем сундуке найдется платок, который можно использовать как повязку.

Мы убедились, что Джули заперлась изнутри, и пошли в его комнату. Она была такой же маленькой и неудобной, как и наша. Но кровать там была, и этого было достаточно.

Я промыла рану водой из стоявшего на столе кувшина и перевязала запястье мужчины платком. Он в ответ поцеловал мою руку. Я незаметно сдернула чепец с головы и сполна насладились восторгом, что отразился в его глазах, когда длинные волосы рассыпались по моим плечам.

– Как тебя зовут, прекрасная незнакомка? – спросил он, коснувшись ладонью моей щеки.

Еще была возможность отказаться от нашего плана, вернуться к Джули и наутро уехать домой. Но мужчина уже снял шляпу. Он был красив – так красив, что мне самой захотелось погладить его лицо с широким лбом, орлиным носом и высокими скулами.

– Клементина, сударь! – я тоже солгала.

Через секунду он меня поцеловал. И этот поцелуй был лёгким и сладким – как летний ветер. Я робко ответила и поняла, что уже не смогу остановиться.

Джейн. Первая ночь

Мы оказались в постели через пару минут. Я уже не отвечала на его поцелуи – была напряжена, ожидая того самого, о чём в поместье (кто с восторгом, а кто со страхом) так часто говорили женщины. Я была готова к этому, но всё равно вскрикнула и заплакала, когда это произошло.

– Так у тебя это в первый раз? – Алан чуть отстранился и в тусклом свете свечи я увидела на его лице что-то похожее на сожаление. – Почему ты не сказала мне об этом? Я был бы более нежен.

Но он и так был нежен, и когда всё закончилось, я совсем не чувствовала себя униженной или испорченной. Я боялась, что после того, как он получил от меня то, что хотел, он потеряет ко мне всякий интерес – отвернется, заснет или даже попросит меня убраться прочь из его комнаты. Но он продолжал гладить меня по волосам, и каждое его прикосновение отзывалось во всём моем теле.

– Вы приехали на ярмарку одни? Никогда больше так не делайте, слышишь? Женщины не должны путешествовать одни – тем более, такие молодые и красивые.

Я горько усмехнулась. Только-только закончилась война, и мужчин в поместье было меньше, чем прежде.

– Ты приехала издалека? – я не отвечала, но он продолжал спрашивать. – Ты бывала за пределами Эльзарии? А хотела

бы побывать? Знаешь, сколько на свете красивых и интересных мест?

Откуда мне это было знать? Я даже в столице никогда не была. А всё, о чём я сейчас мечтала, это, чтобы мы с отцом могли наестся вдоволь и накормить слуг всем тем, что мы с Джули привезем с ярмарки. А на остатки денег подлатать, наконец, крышу – чтобы каждый раз во время дождя в гостиной не нужно было ставить корыто.

– Ты умеешь читать?

– Конечно!

От этого вопроса я едва не задохнулась от возмущения. Да за кого он меня принимает? Но вовремя спохватилась – он принимает меня за ту, которой я и хотела казаться. И всё-таки было немного обидно.

Чтобы не наговорить дерзостей, я закрыла глаза и притворилась спящей. А через несколько мгновений и на самом деле стала погружаться в сон. Последним, что я слышала в ту ночь, были его слова:

– Спи, моя королева!

А я еще подумала, что мне не следует спать. Что я должна дожждаться, пока уснёт он, а потом незаметно выскользнуть из комнаты и разбудить Джули. И именно в этой мысли и заснула.

Проснулась я, когда в комнате было уже светло. Солнечные лучи сделали эту каморку почти уютной. Я потянулась, еще не вспомнив, где нахожусь, и хотела позвать Джули.

Но уже в следующее мгновение ахнула и вскочила. Моего нового знакомого в кровати уже не было, и только смятая подушка с его стороны была доказательством того, что эта ночь мне не приснилась.

Я быстро оделась. Щеки запылали, когда я вспомнила о том, что случилось. И измятое платье лишь засвидетельствовало мое падение.

То, что я проснулась, когда он уже ушел, было хорошо – мне было бы стыдно посмотреть на него сейчас. Но вместе с тем мне было ох как обидно из-за того, что он ушел, не разбудив меня. Да, я сама собиралась поступить именно так, но почему-то, когда это сделал он, почувствовала горечь.

Я заметила мешочек на столе у окна. Неужели, он что-то забыл? Развязала тесемки и вскрикнула – увесистый бархатный кошель был полон золотых монет. Я никогда не видела такого богатства.

Вместе с изумлением пришла и тревога. Что мне делать в этом теперь? Нужно же разыскать этого Алан и вернуть ему деньги. Но где его искать? Оставить монеты у хозяина постоялого двора? Но передаст ли он их Алану, не захочет ли их скрыть? А ведь Алан будет думать, что я – воровка.

Я так разволновалась, что не сразу увидела листок бумаги, что лежал под мешочком. Несколько ровных строчек, написанных красивым размашистым почерком.

«Дорогая Клементина, прости, что неотложные дела вынудили меня уехать. Я хотел разбудить тебя, но ты так слад-

ко спала, что я не посмел.

Но я постараюсь вернуться как можно скорее. Я хочу, чтобы ты меня дождалась. Только жди меня не на этом постоялом дворе, а в гостинице, что стоит на набережной у моста Оружейников.

Назови там мое имя, и хозяин устроит тебя в лучшем номере. Можешь купить себе, что захочешь – эти деньги твои без всяких обязательств. Я всего лишь прошу – не уезжай из города, пока мы с тобой не поговорим».

Листок выпал из моих дрожащих рук.

Первой пришла гордость. Да как он посмел оставить мне деньги? Он что, принял меня за дешевую девку, что продает свои ночи мужчинам?

Потом проснулся разум. Что-что, а дешевой он меня точно не посчитал. Этих денег нам с отцом хватит, чтобы рассчитаться с большей частью долгов.

И, наконец, подключилось сердце. Он хотел снова увидеть меня! Хотел, чтобы я его дождалась!

Я ничуть не тешила себя мыслью, что он влюбился в меня настолько сильно, что готов был бы жениться на мне, даже скажи я ему о своем графском происхождении. Конечно, нет. На девицах, которые запрыгивают в постель к первому встречному, благородные господа не женятся. От этого было ужасно горько, но я не позволила себе терзаться сожалениями.

Ни в какую гостиницу я, разумеется, не поеду. Он сам на-

писал – эти деньги теперь мои, а значит, я вольна делать с ними что захочу.

Я сунула мешочек в карман нижней юбки (так надежней!) и выскочила за дверь.

Джули уже ждала меня в нашей комнате. В глазах ее плескалось любопытство, удовлетворять которое я пока была не намерена. Пусть думает что хочет.

Мы быстро добрались базарной площади, на которой ждал наш старенький экипаж. Под цоканье копыт и мерное поскрипывание колес Джули быстро заснула, а я еще долго смотрела в окно, пытаясь запомнить этот город. Город, где я встретила мужчину, о котором, наверно, не смогу забыть никогда.

Джейн. Жених

Оставшуюся дорогу до дома я думала о том, как смогу обрадовать отца, когда покажу ему все эти золотые. Я решила сказать, что нашла этот кошель, когда шла с базарной площади на постоянный двор. Ведь иногда такое бывает – какой-то господин положил его мимо кармана, и он валялся на дороге меж булыжниками. Было темно, и никто, кроме меня его не заметил. Даже если эта история покажется отцу сомнительной, в воровстве он меня не заподозрит – он знает, что чужое я бы не взяла.

Можно будет рассчитаться с герцогом де Трезе и сразу же разорвать помолвку. Конечно, тетушка Жозефина заупрямится, но если она так хочет блистать в столице, то пусть выходит замуж сама. При этой мысли я невольно улыбнулась – представить тетушку замужем было решительно невозможно.

Когда в окошко кареты я увидела показавшуюся вдали крышу нашего особняка, я едва не выскочила наружу – чтобы помчаться домой напрямик, через луг. Но когда мы въехали во двор, настроение мое переменилось.

– Ох, ваше сиятельство, похоже, у нас гость, – выдохнула Джули.

Я уже узнала стоявшую перед крыльцом карету герцога. Как же невовремя его принесло!

А к нам уже спешил старый лакей отца:

– Ваше сиятельство, как хорошо, что вы приехали! Джули, помоги ее сиятельству переодеться. Его сиятельство велел поторопиться. Его светлость герцог де Трезе желает немедленно вас видеть.

Я усмехнулась, представив, как изумился бы он, появившись перед ним в том наряде, в каком была сейчас. Мы с Джули совсем не отличались друг от друга. Простые платья из добротной немаркой ткани, чепцы, из-под которых не выбивались волосы, и стоптанные кожаные башмаки.

Но я не решилась пойти в гостиную в таком виде – не хотела, чтобы герцог пенял отцу на мое плохое воспитание. Джули по-быстрому уложила мои волосы, затянула корсет на старом, но еще сносном платье. Новых нарядов у меня не появлялось уже давно.

Герцог сидел у окна, по-хозяйски развалившись в единственном приличном кресле.

– Рад видеть вас, дорогая. Ваш отец пошел распорядиться об обеде, – он не поленился встать и запечатлеть на моей руке звучный поцелуй.

А я с трудом сдержалась, чтобы ее не отдернуть.

Я хотела прежде поговорить с отцом, но раз уж так получилось, то можно было начать и с герцога.

– Не ожидала увидеть вас здесь, ваша светлость.

Он предложил мне присесть на диван, явно намереваясь устроиться рядом, но я предпочла опуститься на стул в неко-

тором отдалении. Он невозмутимо пожал плечами и вернулся в кресло.

– Да, я прибыл только сегодня и сразу же отправился засвидетельствовать вам свое почтение, – он сделал паузу, чтобы я прониклась мыслью об оказанной мне чести. – Я привез из столицы наши фамильные украшения – чтобы вы выбрали то, в котором будете на нашей свадьбе. Я велю слуге принести их сейчас.

Я сделала нетерпеливый взмах рукой:

– Подождите, ваша светлость! Как раз о свадьбе я и хотела бы с вами поговорить. Вернее, о том, что она не состоится.

Он зыркнул на меня так, что я вздрогнула.

– Вы, верно, шутите, Джейн.

И сурово сдвинул брови, давая понять, что шутить с ним не стоит.

– Нет, ваша светлость. Я знаю, что о помолвке уже объявлено, и мне жаль, что я своим решением причиняю вам неудобства. Но я передумала выходить замуж.

Он долго молчал, словно не мог поверить, что я говорю серьезно. А потом встал и подошел ко мне вплотную.

– Мне всё-таки кажется, что вы сказали это, не подумав, мадемуазель. И я готов сделать вид, что не слышал этих слов. Я отношу их к проявлению волнения, которое свойственно всем девицам накануне свадьбы.

Он нависал надо мной как грозная туча, и мне было страшно, но я всё-таки сказала пусть негромко, но, надеюсь,

уверенно:

– Нет, ваша светлость, я подумала.

– Вот как? – еще больше удивился он. – Но если бы вы подумали, то поняли бы, что ваш брак со мной – это единственная возможность для вашего папеньки избежать тюрьмы для должников. Или вы хотите, чтобы он провел остатки своих дней в грязной камере на хлебе и воде?

Я представила себе эту картину и содрогнулась.

– Мы уплатим наш долг вам, ваша светлость, в самое ближайшее время. Не извольте беспокоиться.

Глаза его стали круглыми как блюда.

– Интересно, где вы возьмете деньги, мадемуазель? – на сей раз я услышала в его тоне легкой беспокойство – должно быть, его озадачила моя уверенность.

– Это наше дело, ваша светлость, – я тоже встала и отошла к окну.

И снова – долгое молчание. Наверно, он пытался понять, действительно ли у нас есть деньги, или это – не более, чем слова. И судя по всему, решил, что я говорю правду.

– Ну, что же, мадемуазель, вполне возможно, что вы нашли-таки где-то деньги. Продали что-то из своей семейной коллекции на ярмарке? То-то я удивился, когда граф сказал, что вы решили сами туда поехать. Хотя я думал, что всё ценное вы распродали еще во время войны. Но сможете ли вы подтвердить законный способ получения вами этих средств?

– Что? – я не поняла вопроса. – Почему мы должны что-

то подтверждать? У нас есть долг перед вами, и есть деньги, чтобы его уплатить. Какая вам разница, где мы их взяли?

Он засмеялся, и этот смех мне совсем не понравился.

– Вы еще слишком молоды, мадемуазель, чтобы сражаться со мной в словесных дуэлях. Да, граф мне должен. Но меня не интересует уплата долга. Меня интересуют вы, Джейн. И я намерен не допустить расторжения помолвки. Вы найдете деньги? Отлично! А я заявлю, что вы украли их у меня самого.

Я смотрела на него в немом изумлении. Даже считая его не вполне порядочным человеком, я не думала, что он опустится до лжи.

– Да-да, дорогая, я обвиню вас в воровстве. Не вас саму, конечно, а вашего папеньку. И чтобы его признали виновным, мне не потребуются никакие доказательства. У меня пропали деньги, а у вас они внезапно появились сразу же после того, как я нанес вам визит. Предположим, они лежали в моем саквояже, который я оставил в карете. Я обнаружу их пропажу, как только приеду в свой замок, и сразу же приглашу стражников. И как только ваш папенька принесет деньги, чтобы уплатить долг, он тут же будет арестован. И его осудят, если вы не сможете объяснить, откуда они взялись.

Это звучало чудовищно, но я ни секунды не сомневалась, что, если всё пойдет именно так, как он говорит, закон будет на его стороне. Во-первых, это его герцогство, и любой судья будет отстаивать его интересы. Во-вторых, я действительно

не смогу доказать, что получила эти деньги законным путем. Даже если я скажу правду, то ничего, кроме позора, это не принесет. Никто в здравом уме не поверит, что какой-то таинственный незнакомец заплатил бы столько пусть даже и за ночь с дочерью графа. А ведь я даже настоящего имени его не знала.

– Ну, же, дорогая Джейн, давайте сделаем вид, что этого разговора не было, – на его губах появилась торжествующая улыбка, которую мне захотелось стереть любым способом. – Бракосочетание состоится через неделю, и сразу же после него мы уедем в столицу.

Я вздрогнула, услышав об этом. Кажется, он уже всё решил, и мое мнение не сильно его интересовало. Но выйти за него замуж, значило отказаться от самой себя, потерять свободу и право голоса.

И я решилась открыть ему правду.

– Я надеялась избежать этого разговора, ваша светлость, но раз уж это оказалось невозможно, то вынуждена сказать вам, что я не могу выйти за вас замуж по весьма веской причине.

Я облизала пересохшие губы. Я никогда еще не разговаривала на столь щекотливую тему с мужчиной. Голова кружилась, щеки пылали. А еще я боялась, что придет папенька и невольно услышит наш разговор.

– Веская причина? – переспросил герцог.

– Да! – выпалила я. – Я не смогу отдать вам часть своей

магии в первую брачную ночь, потому что эта первая ночь у меня уже была. С другим мужчиной!

Я не стала уточнять, что эта ночь случилась совсем недавно на ярмарке. Пусть думает, что это было давно, еще до того, как он ко мне посватался – может быть, так ему будет проще смириться с моим отказом.

Я не осмелилась при этом на него посмотреть, и не видела, какое впечатление произвели на него мои слова. Слезы покатались из глаз, и мне захотелось выбежать и из комнаты, и из дома, и вернуться только после того, как герцог уедет.

Но когда я услышала его смех, то вскинула голову и наткнулась на его презрительный взгляд.

– Глупая маленькая Джейн! – он издали хлестал меня словами. – Ты сделала кому-то слишком ценный подарок, – он перешел на «ты», сразу забыв об этикете. – И этот кто-то вряд ли его оценил. Кто это был? Какой-нибудь смазливый кучер из вашего поместья? Или военный из тех, что у вас квартировали? Впрочем, мне нет до этого никакого дела.

Он имел право гневаться, и даже если он разгласит причину нашей расторгнутой помолвки, я надеялась, папенька сможет выдержать этот удар. Я готова была выслушать любые грубые слова, лишь бы герцог поскорее забыл обо мне.

– Но если ты надеялась, что эта новость побудит меня от тебя отказаться, то зря.

– Что? – его слова повергли меня в шок. – Вы готовы простить мне мое падение?

Он усмехнулся:

– Если бы все женились только на невинных девицах, то, боюсь, свадеб в Эльзарии было бы вполовину меньше. У тебя есть то, что мне нужно – сильный магический дар, и я намерен получить тебя, пусть даже и несколько подпорченной. Да, первый мужчина получает самые сливки, но и второму кое-что перепадет, – он снова подошел ко мне и взял меня за подбородок.

– Нет! – я дернулась, но он держал меня слишком крепко.

– И не вздумай противиться этому! Если ты расторгнешь помолвку, я уничтожу и тебя, и твоего отца. О твоём позоре узнает всё герцогство. Ты думаешь, граф сумеет это пережить?

Я и сама знала, насколько щепетилен отец в вопросах чести. А если к этому добавится еще и обвинение в воровстве?

Он поцеловал меня, и я отшатнулась. Я ударила бы его, если бы он не схватил меня за руки.

– Давай договоримся так, дорогая Джейн – мы становимся супругами и уезжаем в столицу. Я знаю – вы не испытываете ко мне тёплых чувств, но поверьте, в браке они не обязательны. У меня в Луизане большой дворец, где у вас будут свои апартаменты. Мы сможем не встречаться целыми неделями. Конечно, иногда вам придется исполнять супружеский долг, но я не стану сильно вам этим докучать.

Он предлагал мне сделку. Сделку, выгодную для обеих сторон. Брак с герцогом погасит наш долг перед ним, и тогда

на деньги, которые я привезла из города, мы сможем восстановить наше поместье. Мне было противно думать о браке без любви, но разве это слишком высокая цена за счастье моего отца? Тем более, если герцог сдержит слово и не будет навязывать мне свое общество.

За дверью раздались чьи-то шаги, и де Треззи отпустил меня и отступил на шаг. И сделал это вовремя, потому что в комнату вошел отец. Он заметил напряженность наших поз и спросил с тревогой:

– Всё хорошо, Джейн?

– Да, папенька, – я выдавила из себя некоторое подобие улыбки. – Мы с его светлостью обсуждаем нашу свадьбу.

Джейн. Свадьба

Я шла к алтарю на дрожащих ногах. Отец поддерживал меня под локоть, но он и сам заметно ослабел в последние дни. Я пыталась делать вид, что всё в порядке, но он понимал – меня пугал брак с де Трезеи.

Всю неделю, что мы готовились к свадьбе, герцог был сама любезность. Заботлив, внимателен, щедр. Он ни разу не выказал мне ни неудовольствия, ни осуждения – словно и не слышал тогда моего признания.

Мы сошлись на том, что не будем устраивать пышную церемонию и сразу же после венчания отбудем в Луизану. Де Трезеи не терпелось вернуться в столицу, чтобы попытаться занять должность военного министра, которая была обещана ему в том случае, если уровень его магии станет выше. Я старалась не думать о том, что улучшение его магических способностей будет связано с нашими с ним отношениями.

Обряд прошел как и было должно. Я ответила «да» на обращенный ко мне вопрос, а потом позволила только-только обретенному супругу себя поцеловать.

Церковь была полна народа – поздравить сюзерена посчитали своим долгом все дворяне герцогства. Я видела обращенные на себя восхищенные взгляды, слышала пожелания со всех сторон.

Герцог подвёл меня к ожидавшей нас карете с фамильным

гербом де Трезви на дверце. На гербе был изображен волк – их родовое животное, их талисман.

Я усмехнулась. По иронии судьбы именно волк был тем единственным, чего боялся нынешний герцог. Когда его светлость только вступал во взрослую жизнь, его отца на охоте разорвали волки, и страх перед ними преследовал его до сих пор. Говорили, что именно поэтому он так редко бывал в родных местах, предпочитая оставаться в столице.

Путешествие до Луизаны прошло благополучно. Мы остановились лишь однажды – чтобы пообедать в придорожной таверне.

В столицу мы прибыли уже ночью, и я не заметила тех красот, о которых так много слышала и от отца, и от де Трезви. Я чувствовала усталость и была голодна, но герцог решительно отказался от ужина и повёл меня в спальню. Он всю дорогу пребывал в нетерпении и сейчас не хотел медлить ни секунды.

Как только мы переступили порог опочивальни, он хлопнул дверь и стиснул меня в объятиях.

– Да, вот так, – он накрыл мои губы своими. Сейчас он целовал меня грубо и больно. Я была его собственностью, и он не намерен был церемониться. А когда я попыталась воспротивиться, он так встряхнул меня, что ткань платья порвалась. – Чего ты дрожишь, дорогая? Ведь это у тебя не в первый раз, – в его глазах сверкнули молнии. – Ты думала, что я прошу тебе то оскорбление, которое ты мне нанесла? – и

скомандовал: – Раздевайся!

Он отошел к стоящему у окна креслу, ничуть не стесняясь, сбросил с себя всю одежду, кроме панталон. Он был совсем не стар, и тело его было довольно мускулистым. Но я смотрела на него не с интересом, а со страхом, стоя всё там же, у порога.

– Что же ты медлишь? – нахмурился он и вернулся ко мне.

Он сдёрнул шляпку с моей головы, и намотал на кулак мои упавшие на плечи волосы.

– Ты же знаешь, дорогая Джейн, как долго я этого ждал! – прохрипел он прямо мне в ухо. – Сейчас я покажу тебе, что такое настоящий мужчина.

Я расплакалась, но это ничуть не остудило его пыл. Напротив, только раззадорило его.

– Если ты не разденешься сама, – пригрозил он, отпуская мои волосы, – я позову горничную, и она поможет тебе.

Он знал, что я не захочу, чтобы свидетелем моего унижения стал кто-то из слуг.

Он сел на кровать, откинувшись на мягкие подушки. Он наслаждался моим страхом.

Я знала, что он вправе требовать от меня этого. Я была его женой, и закон был на его стороне. Но руки, когда я пыталась расстегнуть застёжку на вороте, почти не слушались меня. Наконец, я сняла платье и осталась в тонкой сорочке.

– Ты каждую ночь будешь отдавать мне свою магию, – проорчал он, беря в руки с прикроватного столика нечто похо-

жее на хлыст. – Я выкачаю из тебя ее всю до последней капли. А потом, когда она полностью перейдет ко мне, я найду способ от тебя избавиться.

Как тогда, в нашем поместье, я могла ему поверить? Поверить в то, что он забудет о моем проступке и будет относиться ко мне хоть с каким-то уважением. Такие люди, как он, не умеют прощать.

И всё-таки я попыталась воззвать к его совести:

– Вы обещали, ваша светлость!

Ответом мне был его хриплый смех. А через секунду я вскрикнула, потому что он ударил меня хлыстом. На руке вспыхнула багровая полоса. Но еще больший шрам появился на сердце.

Да, муж имел право презирать меня за то, что я не сберегла для него свою невинность. Но разве я не предупредила его об этом еще до свадьбы? Разве попыталась выйти замуж обманом?

Я закрыла глаза. Я чувствовала не только боль. Я чувствовала ненависть.

А еще через мгновение я услышала страшный крик. Открыла глаза и закричала сама.

В двух шагах от меня с другой стороны кровати стоял огромный волк. В свете свечей его серая шерсть казалась серебристой. Морда его была обращена в сторону герцога, с острых клыков капала слюна.

Де Треззи сидел у самого изголовья – жалкий испуганный.

Пытался что-то сказать, но не мог.

Я тоже не могла двинуться с места. Ни язык, ни руки не слушались меня.

Откуда в спальне взялся дикий зверь? Кто мог привезти его в центр огромного города? Враги его светлости? При таком нраве их у герцога наверняка было немало.

Волк зарычал. Он не обращал никакого внимания на меня и смотрел только на де Трезю. Вот он двинулся вперед, клацнул зубами. Герцог вскрикнул, дернулся и рухнул на подушки.

Волк исчез в ту же секунду – как будто его и не было. Но я еще долго не решалась подойти к его светлости. Впрочем, ему это было уже и не нужно – он был мёртв.

Я не сразу поняла, что это была иллюзия. Первая иллюзия, которую я смогла показать.

Магия иллюзий была нашей фамильной магией. Ею в совершенстве владел мой отец. Я помнила, как в детстве он делал для меня иллюзорных сказочных зверушек – драконов, единорогов, жар-птиц. Я тогда спрашивала, почему сама не могу сделать ничего подобного. А он смеялся – дескать, сможешь, когда станешь взрослой.

И вот теперь я смогла. Смогла, не прибегая к каким-то усилиям, произвольно. Возможно, когда герцог ударил меня, в моей голове мелькнула мысль о волке – уж слишком его светлость боялся волков.

Сожаление пришло, но я постаралась его отогнать. Я не

сделала ничего дурного. Я не желала де Трезви смерти. Это были его страхи – страхи, которыми он не мог управлять.

Когда я, наконец, осознала, что никакого волка в комнате нет и не было вовсе, я схватилась за колокольчик, и уже через минуту встревоженная горничная появилась на пороге.

– Вы звали, ваша светлость?

Я всё еще не могла говорить, но этого и не требовалось – служанка и сама увидела на кровати бездыханное тело хозяина.

Джейн. Отъезд

Остаток ночи мы провели на ногах. Камердинер его светлости привез доктора, но тот только констатировал то, что и так всем было ясно – герцог скончался.

– Судя по всему, у него не выдержало сердце, – доктор бросил в мою сторону смущенный взгляд и покраснел.

Наверняка об этом думали и остальные – что герцога хватил удар, когда он был в постели с молодой женой. Но пусть лучше думают о том, что де Треззи переусердствовал в кровати, чем узнают правду.

Конечно, следствие было проведено, но оно лишь подтвердило, что смерть герцога не была насильственной.

Я никого не знала в столице и была слишком молода и неопытна в подобных делах, чтобы принимать решения, и большим подспорьем для меня стали советы поверенного герцога – месье Шампаня. Именно он открыл мне горькую правду о финансовых делах моего скончавшегося супруга.

– Его светлость давно уже жил не по средствам, – месье Шампань сочувственно вздохнул и отхлебнул вина из стоявшего перед ним бокала. – Даже этот дворец в Луизане находится в залоге. Боюсь, после его продажи вам почти ничего не останется. Герцог любил устраивать шикарные приёмы, здесь бывало всё высшее общество Эльзарии.

– Как же он намерен был рассчитывать по своим дол-

гам? – спросила я.

Мы с отцом тоже вынуждены были заниматься, но занимали мы на самое необходимое – нам нужно было кормить слуг и что-то есть самим.

– Ему был обещан пост военного министра, – поверенный чуть замялся – должно быть подбирал необидные для меня слова, – при определенных – кхе-кхе – условиях.

Я кивнула. Я знала, что это были за условия. Он должен был повысить уровень своей магии, а самый простой способ сделать это – жениться на магически одаренной женщине.

– Но неужели жалованье – пусть даже и министра – настолько велико, чтобы с помощью него можно было поправить дело? – удивилась я.

Месье Шампань развел руками:

– Ох, ваша светлость, вы слишком наивны! Дело ведь не только в жалованье. Подобная должность открывает очень большие возможности. При дворе сейчас есть много сторонников возобновления войны с Камрией.

– Ох, нет! – выдохнула я.

Я слышала об этом и раньше. Отцу иногда привозили столичные газеты, и он делился со мной мнением о прочитанных новостях. Он всегда осуждал сторонников войны и не жалел для них тех бранных слов, которые могли выдержать мои девичьи уши.

Шампань энергично закивал:

– Да-да, ваша светлость! Кое-кто полагает, что заключен-

ный мирный договор был унизителен для Эльзарии, и долг его величества – собраться с силами и вернуть отданные земли.

Я совсем растерялась:

– Но ведь дочь его величества Лилиан – теперь королева Камрии. Он собирается идти войной на собственного зятя?

Месье Шампань с сожалением посмотрел на опустевший бокал.

– Не пытайтесь понять то, что происходит в большой политике, ваша светлость! Те люди, которые толкают его величество на этот шаг, совсем не думают об интересах Эльзарии.

Я не могла понять, как кто-то мог желать войны. Неужели они уже забыли те ужасы, что принесла она с собой?

– Насколько я понимаю, замок его светлости в герцогстве находится в плачевном состоянии, – поверенный вернул меня к делам хозяйственным. – Вряд ли вы сможете его содержать.

Теперь я и сама уже понимала, чем была вызвана срочность, с которой де Трезви повез меня после свадьбы в столицу. Прежде я приписывала ее его желанию вернуться ко двору его величества. Но, может быть, всё объяснялось тем, что он не хотел, чтобы я видела его обветшавший замок.

– К сожалению, его продать вы не сможете, – продолжил Шампань. – Как вы знаете, герцогский титул и замок передаются исключительно по мужской линии.

Да, я это знала. Графский титул моего отца и наше родо-

вое имение тоже должны были достаться не мне, а моему кузену Шарлю – человеку, который проживал в другом конце Эльзарии, и которого мы никогда даже не видели. Еще и поэтому папенька так беспокоился о моем замужестве – не хотел, чтобы я, случись что с ним самим, осталась без крова и средств к существованию.

– Кто наследует титул де Трезии? – полюбопытствовала я.

Шампань покачал головой:

– У его светлости не было близких родственников, поэтому на ваш вопрос я не могу ответить однозначно. Претенденты должны сами заявить свои права на наследство, а затем уже королевская геральдическая комиссия, изучив генеалогическое древо де Трезии, примет решение о переходе титула. Но такое решение принимается не раньше, чем через год – потому, что герцог был женат и, соответственно, у вас, ваша светлость, еще может в установленный срок появиться прямой наследник титула.

Я покраснела. Я могла бы сказать, что не смогу стать матерью ребенка де Трезии, поскольку мы с герцогом так и не стали супругами в полном смысле этого слова, но это был слишком щекотливый вопрос, чтобы его можно было обсуждать с посторонним человеком.

– Вы понимаете, о чём я говорю, ваша светлость? – он особо выделил голосом эти слова и смотрел при этом на меня весьма выразительно.

Даже будучи совершенно неискушенной в этих вопросах,

я поняла, что он не просто намекал, а прямо подсказывал мне, как я могла сохранить герцогство. Наверно, я должна была бы быть благодарной ему за столь ценный совет, но он вызвал у меня лишь досаду. Даже если я не испытывала к герцогу теплых чувств, хотя бы его память я должна была почитать. К тому же, любая мысль о близости с женщиной вызывала сейчас у меня отвращение.

– В любом случае, ваша светлость, – прокашлявшись, снова заговорил Шампань, – в течение этого года вы имеете право распоряжаться любым имуществом в герцогстве, кроме самого замка, того, что в нём находится, и земель герцогства. И я советовал бы вам использовать это право сполна. Поверьте – сейчас со всех сторон набегут кредиторы, и вам нужно будет как-то с ними расплачиваться. А с тех, кто должен был самому герцогу, вы вряд ли что-то сможете быстро получить. Насколько я знаю, в герцогстве есть льняная мануфактура, которая приносит весьма скромный доход. Можно продать оборудование, которое там находится. Сейчас спросом пользуется и лес – люди отстраивают разрушенные в войну дома. А в герцогстве де Трезе неплохие леса. Если вам будет угодно, я могу поискать покупателей.

Я кивнула без особых раздумий. Мануфактура так мануфактура. Лес так лес. Мне было всё равно.

Мой отец граф де Броссар приехал в Луизиану уже после похорон герцога. Он помог мне уладить дела с банком, и после того, как столичный дворец его светлости был продан,

у нас еще остались средства, чтобы расплатиться с самыми нетерпеливыми кредиторами.

Сама я не намерена была оставаться в Луизане – большой город приводил меня в трепет. Я собиралась вернуться домой.

Старшая горничная герцога мадам Селин Ришар подсказала мне, какие из вещей герцога нам не следовало продавать, потому что они являлись фамильными реликвиями и должны быть доставлены в его родовой замок.

– Вот старинный меч де Трезви, – подвела она меня к висящему на стене оружию, – он был пожалован прадеду его светлости самим его величеством Сильвестром Доблестным за проявленную в бою храбрость. Это случилось в битве при Шантре. А вот золотой браслет королевы Арабеллы, который она подарила своей фрейлине Тенарин, когда та выходила замуж за деда его светлости. Браслет тоже заложен, но если есть возможность его выкупить...

Она посмотрела на меня выжидательно, и я кивнула – да, конечно, я постараюсь его выкупить. Хотя реликвии де Трезви не имели ко мне никакого отношения, я всё-таки считала своим долгом сохранить их для его наследников – кем бы они ни оказались.

– Вы любили своего хозяина? – спросила я.

Она посмотрела на меня с удивлением:

– Не стану лгать, ваша светлость, – нет. Он был непростым человеком, и во всём дворце вы не найдете никого, кто ото-

звался бы о нём с теплотой. Но мы верно служили ему, и мне очень жаль, что дворец сейчас перешел в чужие руки.

По законам Эльзарии по мужской линии переходило лишь то, что являлось собственностью рода на протяжении не менее, чем трех поколений. На остальное имущество могли претендовать и жена, и дочери. Столичный же дворец был куплен отцом его светлости лет тридцать назад, и я имела полное право его продать. Тем более, что, по сути, он давно уже принадлежал банку.

– Вы же знаете, мадам Ришар, у нас не было другого выхода, – мне показалось, она упрекнула меня.

– Нет-нет, ваша светлость, – воскликнула она, – вы всё сделали правильно. Я всего лишь хотела сказать, что мне жаль, что вы не останетесь нашей хозяйкой. И что большинство слуг вынуждены будут искать другое место работы.

– Мне тоже жаль, – откликнулась я. За эти несколько дней я в полной мере оценила профессиональные качества мадам Ришар и ее преданность своим хозяевам.

Я считала, что разговор окончен, но она продолжала топтаться рядом.

– Простите, ваша светлость, что обращаюсь к вам с просьбой. Но нет ли какой возможности мне поехать с вами?

– С нами? – изумилась я. – Вы хотите уехать из столицы в провинцию? Там у нас нет роскошного дворца и десятков слуг, которыми вы могли бы управлять. Я ни разу не была в замке его светлости, но слышала, что он в весьма плачевном

состоянии.

Она часто закивала:

– Я не боюсь и тяжелой работы, ваша светлость. У меня есть небольшие сбережения, и если я пойму, что не справляюсь со своими обязанностями, то я оставлю службу у вас. Мне хотелось бы купить маленький домик в спокойном городке на юге Эльзарии, и если вы поможете мне в этом... Время сейчас смутное, и я боюсь ехать куда-то одна.

– Хорошо, – согласилась я. – Вы можете поехать с нами. А там решите сами, захотите ли вы остаться у нас на службе, или предпочтете обзавестись собственным хозяйством.

Мы намеревались выехать из столицы в четверг, но уже в среду нас выставили из дома самым бесцеремонным образом.

Мы едва успели позавтракать, как во дворец ворвался высокий упитанный мужчина – лысый, с гладким подбородком и лоснящейся кожей.

– Потрудитесь освободить помещение, ваша светлость! – потребовал он, кичась своей важностью. – Этот дворец более вам не принадлежит.

Мои щеки пылали от унижения. Он говорил всё это в присутствии папеньки и слуг, хотя в этом не было решительно никакой необходимости.

– Ни к чему так шуметь, сударь! – я едва сдерживала возмущение. – Я знаю, что этот дворец – уже не наша собственность. Но у нас с банком был уговор, что мы можем нахо-

даться здесь еще два дня.

Визитер прыснул странным булькающим смехом.

– Меня не интересует, что вам пообещал банк! Я купил этот дворец у банка и желаю въехать в него немедленно! А потому, сударыня, убирайтесь вон!

Это было против всех правил этикета. Он так упивался тем, что он богаче нас, что позабыл о дворянской чести.

– Кто вы, сударь? – спросила я.

– Граф Руже! – его длинный нос горделиво взмыл вверх.

Я никогда не слышала этой фамилии прежде, но собиралась запомнить ее. После войны его величество ввел практику наделениями дворянскими титулами тех, кто мог за них заплатить – это позволяло серьезно пополнить государственный бюджет. Быть может, Руже был как раз из таких.

На улице шел дождь, и мы насквозь промокли, таская наши вещи в экипаж. А граф стоял на балконе и торжествующе смотрел на это с высоты.

До этого дня я думала, что покину столицу без особых сожалений. Но сейчас, когда с дождевыми каплями смешивались мои слёзы, и я тихонько шмыгала носом, стараясь подбодрить растерянного отца, я подумала, что однажды вернусь в Луизану, и этот дворец снова станет моим.

Джейн. Замок

Экипаж де Трезе был едва ли не единственным, что я не смогла продать в столице. Не потому, что не имела на это права, а потому, что он настолько понравился мне, что я не смогла с ним расстаться. Четверка породистых тонконогих гнедых лошадей и новая карета, – у меня никогда прежде не было такой роскоши.

И в пути я не раз похвалила себя за такое решение – путешествовать в этом экипаже было очень удобно – совсем не то, что трястись в нашей старой карете.

Мы не собирались заезжать в замок де Трезе – я намерена была остановиться в родном доме. Но когда мы пересекли границу герцогства, разразилась гроза, и гром загрохотал с такой силой, что наш кучер то и дело вскрикивал и истошно крестился. Замок был уже рядом, а до нашего особняка – еще несколько лье пути. И я пожалела – и кучера, и лошадей, да и нас самих тоже. Хотелось устроиться у камина и выпить горячего глинтвейна или теплого молока. К тому же, уже темнело.

– Может быть, привернем, ваша светлость? – с надеждой прокричал кучер, когда над макушками деревьев показались шпили замковых башен.

Мы все замерзли и нуждались в тепле и уюте. Хотя я не была уверена, что мы сумеем обрести это в замке де Трезе.

Замок стоял на склоне горы – могучий как древний рыцарь. Его стены будто выросли из самой горной кручи. В центре высилась жилая башня со множеством окон, издавна казавшихся крохотными. По сторонам к ней лепились башни поменьше.

Карета проехала надо рвом по каменному мосту и въехала в ворота, которые были не заперты.

Во внутреннем дворе мостились хозяйственные постройки – невысокие, в один-два этажа, но тоже каменные. Когда карета остановилась, из одного из таких сооружений выбежал слуга, который уставился на нас в немом изумлении. Я даже понимала, о чём он мог думать сейчас – о том, что в такую погоду хорошие люди по гостям не ездят.

– Ну, что ты застыл? – прикрикнула на него мадам Ришар. – Мы замерзли и хотим есть.

Изумление на его лице сменилось недовольством – ему не понравилось, что незнакомые люди пытались отдавать ему приказы.

– Я позову месье Ксавье, – наконец, выдохнул он и исчез за массивной кованой дверью.

Мадам Ришар выразительно вздохнула. Мы с отцом давно уже не были столь требовательны к слугам. Мы радовались уже тому, что они не отказывались нам прислуживать даже тогда, когда мы не могли выплачивать им жалованье.

Месье Ксавье оказался высоким худым мужчиной довольно почтенного возраста. Он глянул на нас через лорнет (ого,

какая роскошь!), и в его взгляде тоже не было ни малейшей приязни.

– Любезнейший, – начала терять терпение мадам Ришар, – мы нуждаемся в крове и пище. И лучше бы вам быть порас-торопнее.

– У нас не гостиница, – хмуро откликнулся он.

Дождь лил как из ведра.

– А мы не на постой и просимся, – рывкнула Селин. – Не видите – ее светлость домой приехала. Потрудитесь подгото-вить нам комнаты и учтите – холодным ужином мы доволь-ствоваться не станем.

Я высунулась из кареты и вздрогнула от сырости и прони-зывающего ветра.

Я не была знакома с месье Ксавье, но, если он был дво-рецким герцога, то, как минимум, присутствовал в церкви на нашем венчании, а значит, должен был знать меня в лицо.

И, судя по всему, он меня узнал – потому что тяжело вздох-нул, должно быть, мысленно одаряя нас не самыми лестны-ми словами. Но вышколенность и впитанное с молоком ма-тери почтение к хозяевам взяли верх, и он пробурчал (уже не враждебно):

– В комнатах холодно. Вот кабы вы сообщили о своем приезде. Его светлость всегда загодя сообщал. Я велю сей-час разжечь камин в гостиной. А ужина у нас даже холодного нет. Жак, разбуди Беренис – пусть подаст сыр и вино.

Мы прошли вслед за ним по темному коридору и оказа-

лась в большом холодном зале, который освещался только светом свечи, которую месье Кавье держал в руках. Поняв, что делать светлее он не намерен, мадам Ришар сама зажгла свечи в стоявшем на каминной полке канделябре. Месье снова вздохнул, должно быть, осудив нас за такую расточительность.

Когда затрещали дрова в камине, в комнате сразу стало теплей и уютней. Мадам Ришар и отец расположились в креслах, я же решила осмотреться. Стены в зале были увешаны гобеленами с изображениями сцен охоты и старинным охотничьим оружием.

Мадам Ришар провела ладонью по поверхности стоящего рядом с креслом стола и покачала головой – наверно, обнаружила пыль. Я устало улыбнулась – если бы мы остались в замке, не сомневаюсь, она навела бы здесь порядок.

Через полчаса невысокая полная женщина принесла поднос, на котором стояли тарелки с сыром и зеленью, чашка с янтарным мёдом, бутылъ вина и три бокала. Она смотрела на нас с любопытством, которое и не пыталась скрыть.

– Прошу вас, ваша светлость, – она отвесила мне неловкий поклон, сразу выдавший то, что у не было привычки прислуживать за столом и вообще выходить с кухни в комнаты хозяев. – Простите, мы не знали, что вы прибудете сегодня к ночи. Берил – она тут горничная – пошла в деревню к родным, а лакея мы не добудились.

– Благодарим вас, милочка, – откликнулась мадам Ри-

шар. – Надеюсь, дворецкий распорядился, чтобы нам подготовили спальни?

– Я узнаю, сударыня, – закивала женщина.

Ужин оказался скромным, но я уже валилась с ног и мечтала только о том, как бы добраться до кровати. Поэтому не обратила внимания ни на прохладу в спальне, ни на влажность простыни и одеяла. Мне не понравился замок, и прямо с утра я хотела отправиться домой – в наш маленький, пусть и не очень богатый особняк.

Но утром, когда я подошла к окну и выглянула наружу, то замерла от охватившего меня восторга. С такой высоты окрестности были как на ладони. Сияло солнце, небо было голубое, и такой же голубой казалась пересекающая зеленый луг река. Неподалеку золотилась в полях пшеница. А мельница и домики в долине казались игрушечными.

И я улыбнулась – впервые за несколько недель.

Алан. Война

Мне едва исполнилось девятнадцать, когда в Камрии случилась эпидемия холеры. Королевский дворец был на осадном положении, но это не спасло нас от проникновения заразы. Мой младший брат стал первой жертвой. Я помню, как он лежал в кровати, и его худенькое тело сводила судорога. Он то и дело просил пить и тяжело дышал. Он смог продержаться только два дня.

Отец продержался чуть дольше. Но о смерти его величества мне сообщили позднее – когда я сам, с трудом оправившись от тяжелой болезни, увидел на дворцовых башнях опущенные флаги.

Меня готовили к управлению страной с самого детства, но одно дело – проявлять вежливый интерес к тому, что говорили почтенные учителя и иногда присутствовать на заседаниях важных советов, и совсем другое – осознать, что именно от твоих решений во многом зависит благополучие целого государства.

Первое время я только молча соглашался с тем, что предлагали советники – они были старше, мудрее и умели меня убедить. Но постепенно мой голос креп, и я однажды понял, что некоторыми министрами движет отнюдь не любовь к Отечеству.

Война стала для меня потрясением. Когда в столицу до-

ставили сообщение, что войска соседней Эльзарии перешли границу, я подумал, что это – конец. Эльзар Восьмой, в отличие от меня, был умелым стратегом, а их армия – хорошо обученной и лучше вооруженной. Мой отец никогда не был воином и предпочитал заниматься вопросами сельского хозяйства и торговли.

О том, сколь мало верили в меня мои придворные, говорило то, что сразу несколько министров с семьями переметнулись на сторону врага. Неопытный юнец во главе страны и армии мало кем воспринимался всерьез. Но, как ни странно, это тоже сыграло нам на руку.

– Ваше величество, вам следует немедленно отправить парламентаров в Нерию, – такой совет мне дал барон Дюваль.

Барон с младых лет учил меня фехтованию и верховой езде. И именно он невольно вынужден был стать камрийским главнокомандующим на этой войне. Главнокомандующим, о котором почти никто не знал. Ему я доверился целиком и полностью и ни разу об этом не пожалел.

Я отправился в граничащую с нами на западе Нерию сам. И заключил соглашение о военной поддержке. Не слишком выгодное экономически, оно позволило нам обрести союзника, который, по крайней мере, не ударил в спину. По сути, этого союзника мы купили за большие деньги, но в тот момент это было единственно правильным решением.

Уже через несколько месяцев мы остановили победное

шествие врага. Война затянулась. А через пару лет сказалось экономическое преимущество Камрии, и военный театр переместился на территорию Эльзарии. Мы могли позволить себе закупать за границей оружие и лошадей, привлекать наемников из Нерии и других государства, а Эльзария уже исчерпала все свои резервы.

Пять лет ожесточенной борьбы сделали из меня настоящего короля и настоящего воина. И когда отчаявшийся Эльзар Восьмой прислал к нам своих послов с предложением мира, я воспринял это как должное.

Я не сомневался, что рано или поздно мы добрались бы и до их столицы Луизаны, но скольких еще лет потребовала бы эта война. И я, и мой народ хотели мира. И когда король Эльзарии сообщил, что готов пойти на серьезные территориальные уступки, я согласился приехать в Луизану, чтобы подписать мирный договор.

– Ваше величество, наш король предлагает вам скрепить этот договор брачным союзом, – в приватной беседе сообщил мне глава эльзарийской делегации. – Ее высочество принцесса Лилиан – истинный бриллиант в нашей сокровищнице.

Пять лет назад это было бы лестное предложение, но с тех пор утекло слишком много воды.

– Я не привык оценивать товар с чужих слов, – холодно откликнулся я, давая понять, что разговор об этом будет продолжен только в Луизане.

Посол оскорбленно поджал губы, но он был не в том положении, чтобы высказывать обиду вслух.

– Как вам будет угодно, ваше величество, – я видел, что он с трудом подавил свою гордость и отвесил мне низкий поклон.

Я поехал в Эльзарию на следующее же утро – за новыми территориями и, быть может, за невестой.

Алан. Принцесса

В Луизиану мы прибыли столь большой делегацией, что мне казалось, в королевском дворце было куда меньше охраны со стороны Эльзарии, чем с нашей. Я въехал в столицу еще не поверженного, но уже близкого к тому государства на великолепном гнедом коне и с холодной вежливостью принял поднесенный мне хлеб.

Во дворце по случаю нашего визита были даны несколько балов (совершенно излишняя, как мне показалось, роскошь), на одном из которых я познакомился с принцессой Лилиан. Девушка оказалась весьма недурна собой, особенно если бы смыла с себя тот слой пудры и румян, который был щедро нанесен на ее лицо.

Мы были представлены друг другу должным образом, и я имел возможность оценить ее умение разговаривать на нескольких языках (в том числе – на камрийском) и хорошее знание живописи и литературы.

Я не подавал вида, но для себя еще дома решил, что этот союз выгоден обеим сторонам, и отказываться от него было бы неблагоприятно. Наследником Эльзара Восьмого был младший брат Лилиан – юноша физически слабый и легко поддающийся чужому влиянию. Как мне доложили, старшая сестра тоже была в числе тех людей, к чьему мнению он прислушивался.

А были еще и младшие сестры, которые однажды тоже могли удачно выйти замуж и стать княгинями или королевами. Словом, женившись на Лилиан, я мог надеяться, что сразу несколько монарших домов окажутся связаны с нами родственными узами.

Забавно было наблюдать за тем, как его величество смотрел на меня с выжидательной любезностью, не решаясь поторопить с принятием решения. Но если эльзарийцы рассчитывали на то, что ради брака с Лилиан я соглашусь отказаться от притязаний на часть их земель, то они сильно ошибались. Война была развязана именно ими, и моя страна имела право на контрибуцию.

Во дворце был отличный стол и мягкие кровати, и каждую ночь я спал как младенец. Но всё же пять лет военных действий приучили меня к тому, что нужно было постоянно быть начеку, и когда в одну из ночей в моей спальне чуть слышно скрипнул паркет у дверей, я мгновенно проснулся и нащупал лежавший на прикроватном столике кинжал. А потом быстро вскочил и метнулся к окну.

– Ваше величество, прошу вас, только не поднимайте шум! – голос был тихий, женский.

– Ваше высочество? – изумился я.

Я зажег свечу. Принцесса стояла у самых дверей, кутаясь в светлую шаль. Мне хотелось надеяться, что под шалью на ней было платье, а не ночная сорочка.

– Ваше величество, позвольте мне сказать, – она сложила

руки в умоляющем жесте.

Я накинул на плечи халат, теряясь в догадках, что могло заставить ее пойти на столь вопиющее нарушение всяких приличий.

– Я знаю, я не должна была приходиться сюда, но я хотела вам сказать, как я рада, что война заканчивается, и между нашими странами наконец-то установится мир, – она сделала шаг вперед, но наткнувшись на мой осуждающий взгляд, продвинуться дальше не решилась. – Мой отец не спит уже которую ночь. Я вижу, как он волнуется.

Я усмехнулся:

– Он не хочет уступать нам Анжерон?

– Что? – то ли не услышала, то ли не поняла она. – Ох, нет, дело вовсе не в территории. Он беспокоится обо мне.

Я, наконец, спохватился и предложил ей присесть в единственное кресло у стола.

– В этом я вполне его понимаю. Но как вы сами, ваше высочество, относитесь к такому браку? Не оскорбляет ли вас то, что вас используют как разменную минуту?

Она выдавила из себя некое подобие улыбки:

– Нет, ваше величество. Такова участь королевских детей, разве не так? Если мой брак может быть полезным Эльзарии, то кто я такая, чтобы противиться этому?

– Вас устраивает союз, основанный не на любви, а на выгоде? – поинтересовался я. – Или вы станете утверждать, что полюбили меня с первого взгляда?

Она покачала головой:

– Нет, ваше величество, не стану. Да, пока я не люблю вас, а вы – меня, но разве однажды это не может измениться? И разве у брака, основанного на взаимном доверии и уважении, так мало шансов быть счастливым?

За дверями раздались чьи-то шаги, и принцесса замолчала, испуганно вжавшись в кресло.

– Ваше величество, ваше величество, простите за беспокойство! – донесся с той стороны взволнованный женский голос. – Мы не можем найти ее высочество. Слуги говорят, что видели, как она шла в это крыло. Ваше величество, мне можно войти?

Она не дождалась моего ответа и распахнула двери. Увидела в комнате принцессу и громко охнула. Это была женщина средних лет – должно быть, одна из придворных дам.

– Ваше величество! Ваше высочество! – она переводила взгляд с принцессы на меня и обратно.

Я едва сдержался, чтобы не выставить их обеих вон в ту же секунду. Я не сомневался, что вся эта сцена была разыграна как по нотам. За эти несколько дней я так и не сделал официального предложения ее высочеству, и они решили меня подстегнуть. Мне сразу показалось подозрительным, что принцесса пришла ко мне ночью одна, не заботясь о собственной репутации.

Но нет, она была не одна. Ее сопровождала одна из тех, кто мог позаботиться о ее нравственности – дама, преданная

королевской семье и умеющая держать язык за зубами.

Они хотели скомпрометировать ее высочество, рассчитывая на то, что я как благородный человек вынужден буду на ней жениться. Но скомпрометировать так, чтобы об этом никто не узнал – на случай, если я всё-таки окажусь не столь благороден.

Я посмотрел на принцессу, которая сидела, потупив взор.

Значит, брак, основанный на взаимном доверии? Ну, что же, будет вам доверие!

Алан. Постоялый двор

– Ваше величество, боюсь, Камрия не выдержит еще одного года войны, – мой первый министр герцог Лежье был серьезен как никогда. – Чтобы заплатить наемникам, нам придется залезть в долги. Наши солдаты устали от войны, они хотят к женам и детям. Да, Эльзария в худшем положении, чем мы, но, если Эльзар Восьмой догадается предложить принцессу Лилиан в жены сыну короля Нерии, всё может перемениться.

Да, война сейчас шла на чужой территории, давно уже обобранной самими эльзарийцами. Опустевшие города, деревни с выжженными полями – нам всё труднее было обеспечивать себя провиантом. Если в армии начнется голод, это приведет к дезертирству и упадническим настроениям. И положение сразу перестанет быть выигрышным.

– Значит, вы полагаете, что моего брака с его высочеством будет не избежать? – задумчиво спросил я.

Герцог кивнул:

– Боюсь, что так, ваше величество. Ваш союз с принцессой весьма желателен. К тому же, не забывайте, наследник Эльзара Восьмого – юноша слабый и болезненный. Я, разумеется, отнюдь не желаю ему ничего дурного, но если вдруг с ним что-нибудь случится, то ее высочество как старшая дочь сможет претендовать на престол. Как знать – вдруг однажды

мы получим Эльзарию мирным путем.

Он, как почти и всегда, был прав. Но я не готов был простить эльзарийцам сегодняшнюю ночную выходку. Нет, на саму принцессу я зла не держал – наверняка, ее заставили участвовать в этом представлении. Мне даже было ее жаль.

– Хорошо, – согласился я к вящей радости Лежье, – я сделаю предложение ее высочеству, но в качестве приданого они отдадут мне не только Анжерон, но и Тильзир и Монглед.

– Ваше величество! – герцог смотрел на меня умоляюще. – Не забывайте – мы в стане врага. Да, у вас хорошая охрана, но кто может поручиться, что эльзарийцы не найдут способ вас устранить? Как только вы выдвинете дополнительные требования, они озлобятся и будут рисковать.

И в этом он тоже был прав. Я уже жалел, что приехал в Луизану. Диктовать условия куда проще, находясь на своей территории.

– Не беспокойтесь, ваша светлость, – усмехнулся я, – я сегодня же покину столицу Эльзарии. Разумеется, инкогнито. Я возьму с собой только барона Дюваля.

– Это опасно, ваше величество! – мои слова ничуть не успокоили Лежье. – Передвигаться без охраны по вражеской территории...

Мой первый министр не любил рисковать.

– Мы с бароном прекрасно говорим по-эльзарийский. Нас везде примут за своих. А здесь во дворце и ближе к грани-

це я буду показывать всем свое собственное письмо, которое я якобы должен срочно доставить на родину, чтобы там достойно подготовились к встрече будущей королевы. Народ везде устал от войны, все будут только рады такому известию. Главное, выехать из Луизаны хотя бы на несколько часов раньше, чем нас хватятся. Мы отправимся на рассвете. После ночного происшествия никто не удивится, что я выставил у своих покоев дополнительную охрану и вознамерился проспать до полудня. А после обеда вы испросите аудиенцию у его величества и изложите ему наши новые условия. Конечно, сначала он возмутится и с гневом их отвергнет. Но дайте понять, что мы готовы будем немного уступить. Торгуйтесь, Лежье, торгуйтесь! Я готов отказаться от Монглода, но Тильзир, как и Анжерон, должны стать нашими. Можете осторожно намекнуть, что я был оскорблен столь неприличным визитом принцессы, и именно с этим связан мой спешный отъезд из дворца. Но я готов простить юной девушке этот неразумный поступок, потому что и сам стремлюсь к скорейшему заключению мирного договора. Да что я вас поучаю? Вы и сами поймете, что и когда нужно будет сказать. Я доверяю вам действовать от моего имени. Сделайте предложение ее высочеству, как только они согласятся дать нам то, что мы хотим получить.

Мы с бароном выехали с первыми лучами солнца. Оба были одеты просто и неприметно. Шляпа с широкими полями почти полностью скрывала мое лицо, да никто ко мне и не

присматривался. Кому могло прийти в голову, что я могу отправиться куда-то без охраны?

Мы покинули Луизану безо всяких происшествий. Спокойно миновали все кордоны, что попадались на нашем пути. По всей Эльзарии уже ходили слухи о скорой свадьбе венценосных особ, и когда мы заявляли, что везем письмо его величества Алана Седьмого, нам только желали счастливого пути.

Первый ночлег пришелся на Монрей. Мы остановились в гостинице у величественного моста Оружейников. Барон рухнул на кровать и сразу же заснул, отказавшись от ужина.

Я же решил прогуляться. Мне хотелось послушать, что говорят в народе. Устали ли от войны, рады ли возможному миру? А еще хотелось вина и хорошенькую женщину. За те две недели, что мы находились в Эльзарии, я не позволил себе даже намека на флирт.

Простой постоялый двор подходил для всех этих целей как нельзя лучше. Полумрак в зале и громкие разговоры – отличное место, где можно не привлекать к себе внимание и при этом многое услышать. Я был непривередлив в еде и меня вполне устроила тушеная капуста с дешевым вином. Мясо здесь стоило таких денег, что сразу стало ясно – с провиантом в городе было неважно.

Я спросил у хозяина, не найдется ли тут женщины, готовой скрасить ночь одинокого путника, и он ответил, что ежели я сниму у него комнату, то он пришлет ко мне одну из

своих служанок. На том и порешили.

Я спокойно ел и слушал. В городе проходила ярмарка, и постоянный двор был полон торговцев. Они обсуждали цены на товары (в основном, жаловались, что выручка ниже прежнего) и надеялись на скорый конец войны.

Я уже собирался отправиться в свою комнатку, когда мое внимание привлек рыжий пьяный мужик, что бесцеремонно приставал к двум молодым девушкам, сидевшим через два стола от меня. Я не сразу решился вмешаться – не мог поверить, что столь юные особы находились здесь без сопровождающего. Но когда одна из девушек закричала, прося о помощи, а никто даже не шелохнулся, чтобы урезонить их обидчика, я встал из-за стола.

Алан. Клементина

Я не сразу понял, насколько она была красивой – в столовой зале этого не разглядел. Только потом, уже в каморке, когда она сняла свой смешной чепец...

И я еще больше удивился, что они с сестрой приехали в город без сопровождающего мужчины – отца, брата, мужа. Слишком опасная поездка для молодых женщин.

Впрочем, это было не мое дело. Я не был ей ни женихом, ни братом, чтобы заботиться о ее нравственности. Я заступился за нее за ужином, она решила отблагодарить меня, разделив со мной постель этой ночью. Обычное дело.

Но то, что ночь оказалась как раз не совсем обычной, я осознал довольно быстро. Клементина оказалась невинна. Но это было еще полдела. Она была каири – женщиной, магия которой просыпается в первую брачную ночь. Женщиной, которая может стать магом, только отдав часть своей магии мужчине. Я это почувствовал, как только наши тела слились воедино.

Это был довольно редкий тип магии. Такие женщины были ценностью. Раньше аристократок с таким даром просватывали еще в детстве. Тех же, в чьих жилах текла не столь благородная кровь, покупали как товар – графы, герцоги, короли. И в выигрыше оказывались все – и усиливший таким путем свою магию мужчина, и разбогатевшая семья девуш-

ки. Но то было раньше – когда еще встречались сильные старые маги, умевшие разглядеть каири еще в ребенке. К тому же, прежде такая магия часто передавалась по наследству, была родовой. Теперь же всё изменилось: в обычной семье могла родиться каири, а у каири-женщины рождались обычные дочери. Магия вырождалась, и тем неожиданнее было получить такой подарок на дешевом постоялом дворе.

Она была как глоток свежего воздуха – красивая, сильная. Не изнеженная девочка-дворянка, никогда не поднимавшая ничего тяжелее серебряной вилки, – нет, ее тело было упругим, а тонкие руки мускулистыми, привыкшими к работе. Не знаю, почему, но мне понравилось и это тоже.

А еще ночью она разговаривала во сне.

«Папочка, не волнуйся, я что-нибудь придумаю. Тебе нельзя волноваться – у тебя слабое сердце. Только, пожалуйста, не отдавай меня замуж. Я не хочу за него замуж. Мы сумеем расплатиться с ним по-другому».

Я был знаком с ней всего несколько часов, но всё во мне перевернулось от этих слов. Бедная девочка, пытающаяся позаботиться о своем старом отце. Нежеланный брак, думая о котором, она дрожала даже во сне.

Решение пришло сразу. Я заберу ее с собой в Камрию!

От промелькнувшей мысли о принцессе Лилиан и нашем скором браке я отмахнулся как от назойливой мухи. Это будет политический брак, не имеющий никакого отношения к чувствам. Да я пока и сам не понимал, что чувствую к этой

красивой и отчаянной девчонке. Я просто хотел хоть чем-то ей помочь.

Наутро я встал раньше нее и не решился ее разбудить. Она спала сладко как ребенок – подложив под щеку кулачок.

Я не хотел, чтобы она поехала со мной только от отчаяния. Это должен быть ее осознанный выбор. И мой кошелек с золотыми монетами был теперь ее по праву.

В Монрее у меня было еще одно дело – здесь жил мой старый гувернёр, который когда-то служил у нас при дворе и в детстве учил меня эльзарийскому. Я хотел убедиться, что с ним всё в порядке, что он пережил эту войну, и оставить ему хоть немного денег.

Но прежде я заехал в гостиницу, где уже не находил себе места барон Дюваль.

– Ваше величество, вам не следует разгуливать в одиночестве, – он бросил на меня укоризненный взгляд. – Не забывайте – мы находимся на вражеской территории.

– Полно, Дюваль, – отмахнулся я. – Здесь полагают, что война уже давно закончилась. Да-да, если бы ты прошелся по городу, то тоже понял бы это. Похоже, перемирие они приняли за полноценный мир. И мой брак с принцессой здесь обсуждают как уже состоявшийся. И радуются этому. Так что даже если я заявлю на базарной площади, что я – камриец, это грозит мне только тем, что я лопну от нескольких пинт пива, которые захотят распить со мной все те, кто это услышит.

– Может быть, и так, – не вполне поверил мне барон, – но поостеречься не мешает. Даже от преданных нам людей порой не знаешь, чего ждать. Взять хотя бы этого идиота – лейтенанта Маррино.

Маррино во главе нескольких солдат дежурил у моей спальни в ту самую ночь, когда меня посетила принцесса. Он поверил ей, что я ожидаю ее визита, и не стал поднимать тревогу.

– Он оказался слишком хорошо воспитан, Дюваль, – усмехнулся я. – Он привык верить женщине на слово. К тому же, побоялся скомпрометировать ее высочество.

Но барон только покачал головой, не готовый принять такие оправдания:

– Из-за таких остолопов и проигрывают войны. Лишение офицерского чина пойдет ему на пользу.

Я предупредил хозяина гостиницы, что ожидаю гостью (Дюваль удивленно хмыкнул, но обошелся без слов) и мы отправились на улицу Ткачей. Мы, хоть и не сразу, отыскивали нужный дом, вот только месье Пурре там не было – он съехал отсюда пару лет назад, и новые хозяева его квартиры не знали куда.

Когда мы вернулись в гостиницу, нам сообщили, что никакая мадемуазель ко мне не приходила. Мы поскакали на постоянный двор, но Клементины с сестрой не было и там.

И хотя Дюваль отговаривал меня, я настоял пройтись по ярмарочным рядам на площади. Но не нашел ее.

Я покидал этот город с тяжелым сердцем. Мне было жаль, что я не поговорил с Клементиной утром. Быть может, тогда она приняла бы другое решение. Но это был ее выбор, и, хотя мне было жаль, что она не ехала сейчас вместе с нами, впереди меня ждали не менее важные дела, и я предпочел переключить свои мысли на них, оставив в прошлом прелестную девушку, сделавшую мне столь неожиданный подарок.

Джейн. Мануфактура

Мадам Ришар сама принесла мне завтрак.

– Эту Беренис в комнаты пускать нельзя – ни сказать красиво не умеет, ни на стол накрыть, – ворчала она, подсовывая мне булочку с маслом. – Впрочем, чего же ждать от девицы из деревни?

Булочка была свежей и очень вкусной. Даже если Беренис не обладала хорошими манерами и чувством красоты, готовила она неплохо.

– Они хотя бы поддерживали порядок в замке, – заступаюсь я за местных слуг. – Вряд ли его светлость много им платил.

В этом Селин со мной была согласна:

– Может быть, и вовсе ничего не платил. Но у них был кров и стол. Они хотя бы не голодали и должны быть герцогу благодарны.

Когда я позавтракала и оделась, появился месяц Ксавье. Сейчас я могла разглядеть его получше. Лицо его было изборозжено морщинами, но в темных глазах светилась мысль, а сам он держался с таким достоинством, которое составило бы честь любому дворянину.

– Ваша светлость, не желаете прокатиться по владениям его светлости? Я велю оседлать самую смирную лошадь.

Мы с отцом не хотели задерживаться в замке, намерева-

ьясь еще засветло добраться до дома, но после увиденного из окна мне уже трудно было не принять это предложение. К тому же, нужно было посмотреть и лес, и льняную мануфактуру, которые я собиралась продать в самое ближайшее время. Месье Шампань уже нашел на них покупателей, которые, по его словам, могли дать хорошую цену.

Лошадь оказалась уже немолодой и действительно смиренной. Я отлично ездил верхом, и мы бодрой рысью выдвинулись из замка. Погода была прекрасная, и я наслаждалась и солнышком, и лёгким ветерком, и той красотой, что встречала нас с месье Ксавье на каждом шагу.

Мы заехали на мельницу, и я долго наблюдала, как крутились ее огромные крылья.

– Самая большая мельница герцогства, – не без гордости сказал месье Ксавье. – Сюда приезжают со всей округи. За помол, правда, приходится брать не только деньгами – те мало у кого теперь есть. Зато замок обеспечен и мукой, и прочим провиантом, который привозят крестьяне.

Высокий грузный мельник снял картуз и отвесил мне поклон. Он рассматривал меня с большим любопытством – так же, как и крестьяне в деревне, через которую мы проехали спустя час. Домики, которые так мило смотрелись с высоты замковой башни, вблизи оказались ветхими, с прохудившимися крышами. За время войны почти вся Эльзария стала такой.

– Дорог ли сейчас лес, месье? – любопытствовала я.

Не то, чтобы я не доверяла месье Шампаню, но, может быть, мы сумели бы здесь найти покупателя, который согласится заплатить больше.

– Всё нынче дорого, ваша светлость, – сокрушенно вздохнул он в ответ. – Вы не судите нас за то, что в замке такой разор. Всё то, что мы собирали в Трезе, мы отправляли в столицу. Его светлость не любил здесь бывать.

– Неужели, из-за волков? – удивилась я.

– Может быть, и из-за них, – подтвердил дворецкий. – После смерти отца его светлость заплатил местным охотникам за то, чтобы те истребили всех волков в здешних лесах. Но лес большой. Помню, его светлость как-то приехал в замок на лето, а в одну из ночей луна была полная, и волки как раз за рекой выли. Наутро он собрался и отбыл в Луизану. Но, думаю, не только в волках было дело. Его светлость всегда в столицу рвался – еще когда его папенька был живой, – хотел при дворе быть. Тут, в провинции, ему скучно было.

Он покосился на меня, и во взгляде его я прочитала невысказанный вопрос – намерена ли я остаться в замке?

– Нам нужно будет продать кое-что из имущества его светлости, – перешла я к сути дела. – У него были большие долги. А нам нужно не только расплатиться с кредиторами, но и выплатить жалованье вам и слугам. К тому же, тот, кто наследует герцогский титул, захочет получить замок в хорошем состоянии, и если вам по силам будет произвести в нём хотя бы мало-мальский ремонт, то следует сделать это. Вы, на-

верно, знакомы с родными его светлости?

Но дворецкий покачал головой:

– Никак нет, сударыня, не знаком. Однажды в замок приезжал дальний родственник его светлости – кажется, сын его троюродной сестры. Приезжал просить денег в долг, так его светлость не позволил ему даже переночевать – выставил вон. Но вы, должно быть, и сами знаете, каков был характер у хозяина.

Я вздрогнула, вспомнив нашу единственную с ним ночь, и предпочла сменить тему разговора:

– А что мануфактура? Есть ли там производство?

– Есть, ваша светлость, – откликнулся он. – Не ахти какое, но есть. Сейчас сами увидите.

Мы как раз проезжали мимо канавы, в которой мочились льняные стебли, и дворецкий указал на нее рукой.

– Часть льна мы отдаем на прядение в деревни, часть же прядется прямо на мануфактуре.

– Много ли там работников?

– Человек двадцать, – после минутных подсчетов сообщил месье Ксавье, – не считая женщин и детей.

Не знаю, чего я ожила от заброшенной хозяином мануфактуры, но всё же ее вид произвел на меня удручающее впечатление. По сути, это был большой сарай с несколькими проёмами вместо окон. Как только мы приблизились к нему, из широко распахнутых и покосившихся дверей высыпали человек пятнадцать – мужчины, женщины, дети.

Хмурые бледные лица, худоба, заплатанная и не очень чистая одежда – отсутствие достатка было видно во всём. Люди смотрели на меня без того интереса, что я заметила на мельнице, – словно они устали до такой степени, что даже прибытие короля не произвело бы на них ни малейшего впечатления.

– Поприветствуйте ее светлость, болваны! – рявкнул мой спутник.

Я удостоилась нескольких натужных поклонов. Месье Ксавье виновато развел руками – дескать, чего с них, невежд, взять?

И я уже было подумала, что мы так и уедем отсюда, не услышав от них ни единого слова, когда напряженную тишину разрезал тонкий крик:

– Прошу защиты, ваша светлость!

Джейн. Фифи

Из толпы выскочила худая как жердинка девчушка, бросилась к нам и упала перед нами на колени.

– Дозвольте сказать, ваша светлость! – она подняла голову, и я вздрогнула, увидев лихорадочный блеск в ее темных глазах, которые, казалось, занимали пол-лица.

На вид ей было лет пятнадцать, не больше – впалые щеки, засаленные волосы, нечесаными прядями спадавшие на угловатые плечи.

– Встань и говори! – разрешила я.

– Не слушайте ее, ваша светлость! – подала голос дородная женщина средних лет, стоявшая чуть в стороне от остальных. – Она солжет – не дорого возьмёт.

Я нахмурилась. Я всегда была добра к слугам и не гнушалась разделить с ними хлеб и кров, но и подобную дерзость одобрить не могла.

– Я разрешила ей говорить! – я повысила голос, и стоявшая передо мной девчушка испуганно вздрогнула.

– Не позволяйте ей отдавать меня замуж, ваша светлость, – залепетала она часто-часто – словно боялась, что ее остановят. – Она просватала меня за Чарлота с мельницы, а он дурной совсем. Силушки в нём много, а ума нет. И все знают, зачем мельник его женить надумал – чтобы самому с его женой забавляться.

– Тьфу, язык твой бессовестный! – сплюнула в сердцах всё та же женщина.

Но судя по тому, как сочувственно смотрели на девушку другие женщины, правда в её словах была.

– Кто это? – спрашивая сразу и про женщину, и про девушку, я повернулась к месье Ксавье.

– Мадам Креспен здесь вроде управляющей, – доложил он.

Женщина поклонилась:

– Можете звать меня Фифи, ваша светлость. А это – Эмелин – сирота, которую я пригрела и вырастила как собственную дочь, и которая теперь платит мне за всё такой неблагодарностью.

Я фыркнула при имени «Фифи» – так не вязалось оно с этой пышной дамой.

– Я просватала ее за Чарлота, ваша светлость, и имела на это полное право. Да, он не блещет умом, но зато живёт при мельнице и всегда сыт. А всё то, что она сказала про нашего славного мельника, – наговоры.

Девушка рыдала, размазывая слёзы по грязному лицу. Я представила ее в постели с мужчиной, который ей ненавистен, и содрогнулась.

– Подождите со свадьбой, – велела я. – Она еще слишком молода, чтобы выходить замуж.

Я понимала, что это не так. Часто замуж выходили и в более раннем возрасте. Но сейчас я не готова была встать на

чью-то сторону в этом споре, и предпочла отложить принятие решения.

– Благодарю вас, сударыня, – Эмелин попыталась поцеловать мне руку. – Вы не подумайте, я – не бездельница. Я много работаю, и в этом матушка может быть мною довольна.

Мы с месье Ксавье спешили и направились к тому сараю, который здесь считался мануфактурой.

– Ну же, Фифи, показывай хозяйство! – скомандовал дворецкий. – Ее светлость имеет намерение продать прялки и ткацкие станки, надеюсь, они у вас в рабочем состоянии?

Горестный вздох пробежал по толпе, и приязни во взглядах людей не стало больше.

Сначала мы прошли через комнату, где было несколько стоявших рядами лежаков. Запах свежего сена, которым, судя по всему, были набиты матрасы, смешивался с тяжелым запахом пота и грязной одежды.

Ксавье пояснил:

– Они живут прямо здесь, сударыня. Кто-то пришел из деревень, кто-то – из города. Младшие дети крестьян, не получившие земли, разорившиеся лавочники – кого тут только нет.

– За счет чего же они живут? – тихо спросила я.

– Продают ткань на ярмарках. Ткань, не сомневайтесь, добротная, хоть и неказистая с виду. Много за нее не получишь, но на еду хватает. И налоги они исправно платят. И его светлости платили, и его величеству.

Шедшая чуть позади мадам Ксавье торопливо поддакнула:

– Каждый месяц, ваша светлость, привозим в замок и ткань, и серебро.

Я поняла, что не смогу ничего продать, еще до того, как попала в помещение цеха. Я имела на это законное право, но разве помимо законов, содержащихся в кодексе Эльзарии, не было законов более важных, переступить через которые я не могла?

Продать оборудование из мастерской – значит, лишить этих людей честно заработанного куска хлеба. А я слишком хорошо знала, что такое голод.

А когда я оказалась в прядильном цехе, то только убедилась, что продавать тут было почти нечего.

Прялки были старыми, и большая часть из них – ручными. Трудно было поверить, что эти люди могли заработать хоть что-то на таком оборудовании. Даже у нас в поместье для прядения шерсти применялись прялки ножные. А тут – не шерсть даже, а лён.

В остальных помещениях я тоже не увидела ничего примечательного. Мужчины трепали волокна с помощью каких-то деревянных конструкций. Чесальщицы продергивали лён через закрепленные на простом столе большие гребни.

Тем немногим, что можно было бы продать, были ткацкие станки, но они были уже не новы, и вряд ли я получила бы за них столько денег, что смогла бы откупиться от собственной

совести.

Мануфактура нуждалась в серьезном обновлении – тогда здесь можно было бы произвести гораздо больше ткани куда лучшего качества. Но в этом я не могла им помочь. Единственное, что я могла для них сделать, – это забыть об этом сарае и позволить им жить так, как они жили до моего приезда. А дальше уже пусть новый герцог решает их судьбу.

Я возвращалась в замок с тяжелым сердцем. Если бы его светлость вместо того, чтобы окружать себя показной роскошью в Луизане, хоть немного денег потратил на эту мануфактуру, у герцогства был бы неплохой источник дохода.

Но думать об этом сейчас было уже поздно. Мне здесь не принадлежало ничего, и я не имела права обещать этим людям того, чего не смогу выполнить.

Мадам Ришар встретила меня на крыльце и укоризненно покачала головой:

– Вам не следовало ездить верхом, ваша светлость. В вашем-то положении!

Я посмотрела на нее с удивлением. О чём она говорит?

А она громко охнула:

– О, ваша светлость, так вы не знали?

Джейн. Сомнения

– С чего вы взяли, что я в положении?

Мы продолжили разговор уже в комнате, подальше от чужих ушей. Но даже тут, обсуждая эту тему, я чувствовала себя неловко.

– Ну как же, ваша светлость? – принялась объяснять мадам Ришар. – Я еще в Луизане это заметила. Вы там трижды от рыбы отказались, хотя прежде, как я поняла, любили ее. А один раз так и вовсе сказали, что она несвежая, хотя, когда тех карпов торговец привез, они еще плавали. А тошнило вас как-то после завтрака, помните? А уж после того, как вы велели убрать из комнаты букет, в который я добавила всего одну веточку аспариса, никаких сомнений не осталось. По аспарису это верно можно определить.

Да, теперь, после того, как она заговорила об этом, я уже поражалась тому, что сама не обратила на это внимание. А ведь в моем распоряжении признаков этого было куда больше, чем могла заметить мадам Ришар со стороны.

Но я связывала это сначала с сильными переживаниями из-за замужества, потом – с пробуждающейся магией. Мысль о том, что это могут быть последствия той единственной ночи с мужчиной, мне даже в голову не приходила. Да и от женщин в нашем поместье я слыхала, что в самый первый раз зачать ребенка невозможно.

Мадам Ришар ушла, а я долго сидела на кровати, пытаюсь осознать произошедшее. Горничная была уверена, что это – ребенок герцога, – и искренне за меня радовалась. Но я-то знала, что малыш не имеет к де Трезе никакого отношения.

Я не стала заставлять ее хранить молчание – знала, что такую новость она не сможет долго держать в себе. Да рано или поздно это заметили бы и другие. И потому, когда вечером того же дня папенька вдруг заявил, что поедет домой один, я ничуть не удивилась.

– Тебе лучше остаться здесь, дорогая, – мягко сказал он. – Ты теперь герцогиня де Трезе, и у тебя есть обязательства. Мы с Жозефиной навестим тебя, как только сможем.

Я вознамерилась возмутиться, но слова застыли на языке.

Я не могла признаться в том, что ношу под сердцем ребенка мужчины, даже имени которого я не знаю. Для папеньки это стало бы слишком большим потрясением. Подобный разговор не принес бы пользы никому – ни мне, ни папеньке, ни малышу. А уж покойному герцогу теперь и вовсе было всё равно. Всё случилось так, как случилось, и что бы я сейчас ни говорила, прошлое было не изменить.

Чувствовала ли я свою вину перед де Трезе из-за того, что ребенок другого мужчины мог получить его имя и титул? Нет, не чувствовала. Герцог вызывал у меня такое омерзение, что я была рада получить от него хоть что-то хорошее. Столь ненавистный мне прежде брак теперь мог принести большую пользу. Не случись этого замужества, мой малыш

обзавелся бы клеймом незаконнорожденного.

Возможно, если бы у герцога был младший брат или рожденный вне брака сын, которых я своим молчанием лишала бы титула, меня бы и мучила совесть. Но близких родственников у него не было. Его троюродная сестра даже не носила фамилию де Трезе, и ее сын вряд ли всерьез рассчитывал когда-нибудь стать герцогом. К тому же, если бы мой покойный супруг испытывал к сестре и племяннику теплые чувства, он, как минимум, привечал бы их в замке.

Но чтобы окончательно договориться с собственной совестью, я написала месье Шампаню, прося его разыскать дальних родственников герцога, не привлекая к этому внимания. Если они до сих пор нуждаются, возможно, я сумею им хоть как-то помочь.

Весть о моем интересном положении облетела замок быстро, и уже на следующий день я услышала, как месье Ксавье говорил нашей кухарке Беренис, как он будет рад, если «у герцогини родится мальчик».

– Замок нуждается в настоящем хозяине, в де Трезе, а не в каких-то дальних побирушках.

Я усмехнулась – знали бы они правду! Но этой правды не узнает никто и никогда. Я поклялась себе в этом.

Если родится мальчик, я научу его всему, что знаю сама, и сделаю из него настоящего дворянина и рачительного хозяина герцогства. Я буду трудиться с утра и до поздней ночи, чтобы ни он, ни те, кто находятся рядом, ни в чём не зна-

ли нужды. А если родится девочка, я вернусь с ней в свой родной дом, и думаю, она там тоже будет счастлива – как когда-то там была счастлива я.

Джейн. Хозяйство

Почти целую неделю я изучаю книги доходов и расходов герцогства за прошлые годы. Признаться, велись они довольно небрежно, и де Трезю, по заверению месье Ксавье, большого интереса к ним не проявлял.

При жизни отца его светлости герцогство хоть и не процветало, но и не испытывало недостатка средств – тот герцог не имел склонности к столичным развлечениям и жил весьма скромно. Доход он получал в виде налогов от крестьян, торговцев и ремесленников, ему же полностью принадлежала льняная мануфактура, продукции которой хватало и для собственных нужд, и для продажи.

– Прежде на ярмарках только местное и продавалось, – вздыхал дворецкий. – Тогда-то наш товар расходился как горячие пирожки. Из нашего льна и одежду шили, и белье для постелей. А как стали ткани с востока привозить, так цены и упали. Благородным дамам нынче не лён, а шелк да другой тонкий материал подавай. И непременно чтобы с рисунком красивым. А наши мастера льняную ткань некрашеную продают – разве что только отбелят. Ну, в желтый еще покрасить могут – через листья березовые или луковую шелуху, – или в немаркий коричневый – на это есть кора ольхи и еловые шишки. Краски-то дороги больно, да и разве кто у нас красить возьмется?

Я сделала мысленную пометку разобраться с этим вопросом. Местных модниц я вполне понимала. Кому нужна одежда из некрашеного полотна? Разве что крестьянам нижнюю рубаху сшить. Но на таких покупателях много не заработаешь.

– А кто этой мануфактурой управлял?

Мне не верилось, что это на самом деле могла делать мадам Креспен. Если же дело обстояло именно так, то не удивительно, что дела там шли неважно. Фифи не произвела на меня впечатления человека, способного принимать здравые решения.

– Пока шла война – Клод Жуссар. Но тогда дело было другое. Мы тогда ткань рулонами на нужды армии поставляли. Аккурат коричневую.

– Вот как? – заинтересовалась я. – Но это же отличный вариант! И пусть сейчас мирное время, но армия-то никуда не делась.

Но дворецкий издал еще один тяжкий вздох:

– Так-то оно так, но сами знаете – денег в казне нынче нет, солдаты в обносках ходят. А после того, что Жуссар натворил, с нами вовсе никаких дел иметь не захотят. Он с одним ушлым полковником, который у нас полотно закупал, не вполне честными делами занялся – надеялся нагреть на этом руки. Ткань до армии не доходила вовсе – ее на рынке в городе продавали, а денежки Жуссар и полковник меж собой делили. А когда это дело открылось, обоих под суд отдали –

полковника в рядовые разжаловали, а Жуссара вздернули в городе на центральной площади.

Я поежилась, а месье Ксавье подтвердил:

– А как иначе, сударыня? Время было такое. Вот с тех пор мануфактура наша и не может с колен подняться. А Фифи там хотя бы порядок поддерживает.

– Она тоже живет прямо там? Зимой там, должно быть, ужасный холод. А там много женщин и детей. Нельзя ли их устроить поудобнее? Может быть, есть свободные помещения в замке?

Но дворецкий отнесся к этому предложению с явным неодобрением:

– Да зачем же, ваша светлость? Не место им тут. Да и привыкли они уже к холоду. Хотя болеют часто, это да. Зато работа – под боком. А из замка им как же до мануфактуры добираться? Дорога не меньше часа займет.

Мне было нехорошо от мысли, что там, обдуваемые всеми ветрами, мерзнут дети, но решить этот вопрос сейчас я никак не могла.

– А много ли человек живут в самом замке?

Месье Ксавье покачал головой с видимым сожалением:

– Сейчас уже немного. Вот в прежние времена... Помню, когда я был еще маленьким, здесь каждый месяц устраивались балы и охотничьи турниры. Народу съезжалось столько, что некоторые благородные господа спали на конюшне. Тогда и слуг было много. А сейчас остались только Жак –

он конюший и кучер, лакей Сезар, кухарка Беренис да горничная Берил. Эх, – он снова погрузился в воспоминания, и на губах его мелькнула мечтательная улыбка, – а прежде-то одних только горничных с десятков было.

Но я не поощрила его к дальнейшему разговору, тем более что Сезар как раз принёс только-только доставленное из столицы письмо.

«Почтительно приветствую Вас, Ваша светлость!

Надеюсь, вы уже обустроились на новом месте и, быть может, нашли даже некоторые преимущества проживания в тихой и милой провинции. Спешу также напомнить, что какие бы услуги Вам от меня не потребовались, я всегда в Вашем распоряжении.

Согласно Вашим предыдущим указаниям я разыскал родственников герцога, хоть, смею Вас заверить, это было непросто. Сразу скажу, что пока мне удалось получить сведения только о троюродной сестре Вашего покойного супруга, но я продолжаю поиски и, возможно, позже смогу сообщить Вам что-то еще.

Пока же пишу только касательно мадам Бонье. Она проживала в маленьком городке Розен с сыном и дочерью. Именно ее сын Дидье и приезжал к его светлости несколько лет назад с какой-то просьбой. Но это было еще до войны, и насколько я знаю, его светлость ему отказал. Поэтому заверяю вас, что вы отнюдь не обязаны заботиться о дальних родственниках вашего покойного мужа, коль уж он сам не

считал нужным заботиться о них.

Так вот – Дидье Бонье перед самой войной поступил на службу офицером и три года назад погиб в битве при Сарези. Мать же его умерла двумя годами ранее. Так что со стороны этой ветви претендовать на герцогский титул никто не может. Из Бонье осталась только девица Мелани – после смерти брата она вынуждена была съехать из родительского дома и сейчас живет компаньонкой при некой мадам Муссон.

С пожеланиями здоровья и всяческих благ Вашей светлости, преданный Вам Теодор Шампань».

Джейн. Месье Понсон

Узнать фамилию человека, который мог бы помочь нам с мануфактурой, не составило труда. Джори Понсон во время войны был помощником проштрафившегося Жюссара и взял расчет сразу же, как только того арестовали. Как сообщил мне Ксавье, проживал месье Понсон в том самом городке Розен, в котором жила и мадемуазель Бонье. Это было весьма кстати.

В путешествие я отправилась одна, проигнорировав нарек мадам Ришар, что «приличные дамы всегда берут с собой горничную». Приличной дамой мне было становиться уже поздно.

Со мной отправился только Жак. Он так гордился тем, что ехал на козлах новой красивой кареты, что с удовольствием покрикивал на всех, кто попадался нам на пути.

– Эй ты, раззява, не подходи к лошадям – они поблагороднее тебя будут! – то и дело слышала я через открытое окно.

Городок, в который мы прибыли после нескольких часов пути, оказался небольшим и на удивление уютным. Увитые цветами дома с балкончиками, узкие улочки, по которым лениво бродили упитанные собаки, нарядные витрины кондитерских – здесь словно никогда и не было войны. Здесь, казалось, все друг друга знали – первый же прохожий, у которого кучер спросил дорогу, рассказал нам, где искать и месье

Понсона, и мадам Муссон.

Но найти дом месье Понсона оказалось легче, чем договориться с ним самим.

– Весьма сожалею, ваша светлость, что вам пришлось проделать такой путь зазря, – развел он руками, когда я изложила ему свое предложение. – Я давно уже отошел от дел и не имею желаний возвращаться на мануфактуру. Должно быть вы знаете, что там творилось. Я едва избежал тюрьмы, хоть и не имел никакого касательства к афере Жюссара. Я придерживаюсь мнения, что дела надлежит вести честно.

Я согласно кивнула. Честный управляющий – это такая находка!

– И прекрасно, месье! Совершенно с вами согласна! К сожалению, платить вам много я пока не смогу, но потом, когда мануфактура станет приносить прибыль...

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую:

– Простите, ваша светлость, но в нынешних условиях это вряд ли возможно. Требуется большой капитал, чтобы восстановить производство до прежнего уровня. У вас он есть?

То золото, что я получила от незнакомца на постоялом дворе в Монрее, я честно поделила между нами с папенькой. Конечно, я не сказала ему, откуда оно взялось – пусть думает, что я получила его после продажи столичного дворца де Трезе.

– Я найду возможность купить пару новых ткацких станков или прялок.

Он усмехнулся:

– Ваша светлость, боюсь, дело не только в этом. После войны покупатели стали куда привередливее. Им не нужна грубая ткань. Они желают чего-то более изысканного. А мы не сможем им этого дать.

– Ну, почему же? – почти обиделась я. – Можно купить хорошую краску...

– Ох, вша светлость, – он подивился моей наивности, – хорошая краска стоит дорого, и мало ее просто купить – с ней нужно уметь работать.

Он говорил разумные вещи, но я не готова была с ним согласиться.

– Ну, хорошо, – признала я, – мы не сможем потрафить взыскательному вкусу молодых модниц. Но есть же и другие покупатели – крестьяне, ремесленники, армия, наконец.

Мы сидели в маленькой гостиной и пили травяной чай. Моя тетушка Жозефина пришла бы в ужас, если бы узнала, что я пришла в дом к мужчине одна. Но я не могла позволить себе думать сейчас об этикете.

А заниматься делом мне было не привыкать. Я и сама была не чужда ремеслу. Умела и прясть, и ткать. Правда, в нашем поместье льном не занимались – мы выращивали овец и торговали шерстью.

– Крестьяне и ремесленники нынче не слишком богаты, ваша светлость, – сказал он то, что я знала и сама. – А чтобы поставлять полотно в армию, нужны совсем другие объемы.

Ради пары рулонов ткани с нами никто не станет связываться.

– В герцогстве достаточно полей, чтобы засеять их льном. Да, чтобы развернуться, нам потребуется много сил, но почему бы не попробовать? Если вы возьметесь за это...

Он замахал руками:

– Нет-нет, ваша светлость! Я уже отошел от дел.

Он был еще совсем не стар и весьма бодр, но я могла его понять. Уезжать из этого идиллического места и браться за восстановление полуразрушенной мануфактуры мало бы кто захотел.

Проводив меня до кареты, он еще раз извинился за то, что не откликнулся на мою просьбу, и добавил с улыбкой:

– Передавайте привет мадемуазель Фифи.

Я усмехнулась. Кажется, мне всё-таки придется иметь дело именно с ней.

Джейн. Мелани

Дом, в котором проживала мадам Муссон, находился в двух шагах от гостиницы, в которой я остановилась, и я отправилась туда пешком. Это был узкий двухэтажный домик, примостившийся меж других таких же домов, с забавным флюгером на острой крыше и высоким крыльцом.

Я дернула за веревочку на дверях, и на мелодичный звон колокольчика вышла служанка.

Правила этикета требовали, чтобы я обратилась не напрямую к мадемуазель Бонье, а действовала через хозяйку, у которой она служила. Что я и сделала.

– Простите, сударыня, но мадам до обеда не принимает гостей.

– Хорошо, – нисколько не расстроилась я. – Но мне, признаться, нужна не она сама, а ее компаньонка мадемуазель Бонье.

Служанка с виноватым видом снова развела руками:

– Боюсь, что мадемуазель тоже не сможет к вам выйти. Ее свободное время – по вторникам после обеда. А приглашать своих знакомых в дом мадам она вовсе не имеет права. Вы можете оставить ей записку, если хотите.

До вторника были еще два дня, и в любом случае задерживаться в Розене даже хотя бы до обеда я не планировала.

– Если вы дадите мне бумагу и перо, я напишу мадемуа-

зель и попрошу вас передать мою записку как можно скорее.

– Сильви, кто там? – раздался из глубины дома неприятный женский голос. – Закрой дверь и принеси мне лорнет!

Служанка замешкалась, не решаясь захлопнуть дверь перед моим носом. Мне показалось, она была воспитана лучше хозяйки. И всё последующее только укрепило меня в этой мысли.

Сама мадам Муссон появилась в прихожей через минуту. Это была высокая худая женщина с лицом, на котором особенно выделялись острый нос и недовольно поджатые тонкие губы. Она оглядела меня с головы до ног и резко спросила:

– Что вам угодно?

Я была одета в строгое темное платье и в этой поездке предпочла обойтись даже без скромных жемчужных сережек в ушах. И мадам Муссон, кажется, не увидела во мне достойной своего уровня собеседницы.

– Сударыня спрашивает мадемуазель Бонье, – дрожащим голосом сообщила служанка.

– Вот как? – усмехнулась хозяйка, сделав стойку как охотничий пёс, увидавший добычу. – Надеюсь, ты сказала ей, что Мелани не вольна принимать в моем доме своих гостей? И что у мадемуазель Бонье есть обязанности, манкировать которыми она не имеет права? И как раз сейчас до самого обеда она будет читать мне жизнеописание его величества Ричарда Завоевателя.

– Да-да, – нетерпеливо подтвердила я, – всё это мне уже сообщили. Но, боюсь, сударыня, что я вынуждена настаивать на встрече с мадемуазель, потому что прибыла к ней издалека по важному делу.

Я уже собиралась назвать себя и не сомневалась, что после этого к моим словам будет совсем другое отношение, но мадам Муссон не пожелала меня дослушать.

– Мне нет никакого дела, откуда вы прибыли. Свободное время мадемуазель Бонье – во вторник с трёх до семи пополудни. И я полагаю, что этого более чем достаточно для того, чтобы заниматься личными делами.

Она воинственно подбоченилась.

– Разумеется, сударыня, вы можете устанавливать в своем доме любые правила, – рассердилась я, – но надеюсь, вы позволите вашей служанке хотя бы передать мадемуазель Бонье, что ее спрашивала герцогиня де Трезе?

Губы хозяйки тут же растянулись в заискивающей улыбке, а во взгляде ее появился испуг. Служанка же отвесила мне столь низкий поклон, что после него с трудом смогла принять прежнее вертикальное положение.

– О, ваша светлость! – зашебетала мадам Муссон. – Простите нам наше невежество! Мы в провинции давно уже отвыкли принимать столь важных гостей. Прошу вас, проходите. Сильви, да что же ты стоишь? Вели мадемуазель немедленно прийти в гостиную и принеси нам пирожных и травяного чая.

Меня устроили на мягком диване со множеством маленьких расшитых цветами и бабочками подушечек. Хозяйка излучала такое радушие, что мне стало тошно.

– Мы слышали о безвременной кончине его светлости. Примите наши искренние соболезнования. Кто бы мог подумать, что вы удостоите нас такой чести? Сам герцог никогда здесь не бывал.

На пороге почти бесшумно появилась девушка лет двадцати пяти – милая, но какая-то совершенно неяркая. Тусклые волосы ее были зачесаны на прямой пробор и будто прилизаны – ни единая волосинка не выбивалась из скромной прически. Белесые брови, серо-зеленые глаза и бледные губы. Казалось, она нарочно делает всё, чтобы не привлечь ни толики чужого внимания. С нее будто смыли всё, на чём мог остановиться взгляд. Нужно ли говорить, что и ее одежда была проста?

Она поприветствовала меня с большим волнением и с разрешения хозяйки опустилась на стоящий у дверей стул.

– Я как раз говорила ее светлости, что его светлость никогда не искал общения с вашей матушкой, Мелани.

Мне показалось, что обсуждать эту тему довольно невежливо со стороны мадам Муссон, но девушка не сделала ни малейшей попытки ей возразить.

– И я его вполне понимаю, сударыня, – хозяйка энергично покивала. – Ваш супруг отнюдь не обязан был брать своих бедных родственников на попечение. Каждый обязан сам за-

ботиться о своем пропитании. И твой брат, Мелани, не должен был докучать его светлости просьбами.

Щеки девушки залились румянцем смущения, и она пролепетала:

– Прошу вас, ваша светлость, не думайте дурно о Дидье. Он всего лишь хотел помочь нам с матушкой и поехал спросить, не будет ли у его светлости какой-нибудь работы для него.

Хозяйка хмыкнула и посчитала нужным мне пояснить:

– Тогда у бедняжки Мелани была возможность выйти замуж, но ее жених желал получить хоть какое-то приданое. Ну, да что теперь об этом говорить? – улыбнулась она, всем своим видом показывая, что совсем не прочь как раз продолжить обсуждать эту тему. – Сейчас-то она уже слишком стара для замужества. И если бы я великодушно не приютила ее у себя, то даже не знаю, что бы с ней сейчас было.

Она даже не понимала, насколько это неприлично – так упиваться своим положением в присутствии той, которая была зависима от нее.

А девушка словно стала еще неприметнее – низко склонилась голова, поникли плечи.

– Простите, сударыня, что вынуждена прервать наш разговор, – поднялась я, – но меня уже ожидает карета.

Девушка подняла на меня свой несмелый взгляд, и я вздрогнула – такое отчаяние в нём отразилось.

И если поначалу я собиралась всего лишь познакомиться

с Мелани и передать ей, что ежели когда она пожелает приехать в замок де Трезе в гости, то может сделать это без каких-то сомнений, то в эту секунду переменила свое решение.

– Послушайте, мадемуазель, я хотела бы, чтобы вы знали – мой муж сожалел, что однажды он отказал вашему брату в помощи, – это была неправда, но мне показалось нужным это сказать. – И сейчас мне хотелось бы сделать для вас хоть что-то. К сожалению, наше хозяйство еще не оправилось от последствий войны, и я не могу помочь вам деньгами, но если вас не испугает проживание в не очень уютном, но очень древнем замке, то я предлагаю вам поехать со мной.

Вся гамма чувств – от недоверия до восторга – промелькнула за одно мгновение на ее бледном лице.

– Но как же, ваша светлость? – вмешалась мадам Муссон. – Это решительно невозможно! У Мелани есть обязательства.

Но я смотрела только на мадемуазель Бонье, и когда та кивнула мне, безуспешно пытаясь сдержать слёзы, я положила на столик несколько серебряных монет.

– Надеюсь, это компенсирует вам причиненные нами неудобства. Уверена, что столь милосердная дама, как вы, легко сумеет найти себе другую компаньонку.

Через час, после легкого обеда в гостинице, мы с Мелани уже сидели в карете. За это время девушка не произнесла и нескольких слов. А когда я заметила, что она ущипнула себя за руку, чтобы убедиться, что это не сон, то отвернувшись,

улыбнулась.

Я не могла обещать ей спокойствие и достаток, но я надеялась, что в замке она обретет по крайней мере то, чего была лишена в доме мадам Муссон – уважение.

Джейн. Сын

Я отсутствовала всего два дня, но за это время та часть замка, в которой находились мои комнаты, серьезно преобразилась. Всюду – идеальная чистота, столовое серебро начищено до блеска, на окнах – свежие портьеры.

– Я много чего нашла в сундуках, – с довольным видом хвасталась мадам Ришар. – Конечно, кое-что поедено молью и испорчено плесенью, но некоторые вещи смотрелись бы уместно даже в столичном дворце. И простите, ваша светлость, но я взяла на себя смелость нанять на поденную работу нескольких девушек из деревни – вдвоем с Берил мы бы не справились.

Я одобрительно кивнула, хотя дополнительные расходы были некстати. Но находиться в теплом и уютном помещении было очень приятно.

К мадемуазель Бонье моя старшая горничная отнеслась настороженно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.